

Глава III

СВЕДЕНИЯ О СОБИРАТЕЛЯХ ИЛЛЮСТРАТИВНЫХ КОЛЛЕКЦИЙ ОТДЕЛА ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ МАЭ

Создание первых фотоколлекций МАЭ связано с деятельностью известного государственного деятеля России XIX в., первого российского генерал-губернатора Туркестана **Константина Петровича фон Кауфмана** (1818–1882), к сожалению, незаслуженно забытого в последнее время.

Портрет К.П. Кауфмана [Кауфманский сборник 1910]

Он родился в 1818 г. (по другим источникам — в 1819 г.) в деревне Майданах близ Ивангорода. Его отец, генерал-лейтенант, принадлежал к старинному немецкому роду, представители которого переселились в Россию в XVIII в., начинал службу у А.В. Суворова, участвовал в нескольких военных кампаниях. Поэтому детство его сына протекало в нелегких походных условиях. В возрасте 14 лет К.П. Кауфмана определили в Главное Николаевское инженерное училище. В 1838 г. после окончания старшего класса училища его произвели в первый офицерский чин. Через пять лет он стал адъютантом при штабе Отдельного Кавказского корпуса [Всемирная иллюстрация. 1873. № 243]. На Кавказе К.П. Кауфман прослужил почти 13 лет (до 1856 г.), был участником Кавказской и Крымской войн, многих военных операций, два раза был тяжело ранен.

В 1857 г. К.П. Кауфман произведен в генерал-майоры свиты императора, пользовался вниманием и расположением Александра II. Через несколько лет назначен директором канцелярии военного министерства с присвоением звания генерал-адъютанта [Кауфманский сборник 1910].

С 1865 г. К.П. Кауфмана стал генерал-губернатором северо-западных губерний и командующим войсками Виленского военного округа, где продолжал политику обрусения края. Биографы К.П. Кауфмана отмечали, что здесь у него не сложились отношения с польскими ксендзами. В следующем году его неожиданно отозвали, уволили и отправили почти на год в отпуск.

Через два года в 1867 г. по указу Александра II К.П. Кауфман был назначен туркестанским генерал-губернатором, командующим войсками Туркестанского военного округа и наделен широкими полномочиями [Остроумов 1899; Семенов 1910; Всемирная иллюстрация. 1882. № 697].

В октябре 1867 г. К.П. Кауфман отправился из Петербурга в Туркестан, но не сразу в Ташкент, а через Оренбург, Семипалатинск и Верный (т.е. не самым кратким путем) для ознакомления с краем и тогдашней местной администрацией.

Его называли всесильным «хозяином» Туркестанского края, «ярым-подшо» (полуцарем). К.П. Кауфман имел право вести дипломатические сношения с соседними государствами. Через своих доверенных он получал сообщения о положении дел в Дарвазе, Бадахшане, землях, находившихся на пути от Амударьи к Мервскому оазису, о взаимоотношениях с ними Бухарского ханства, влиятельных лицах на этих территориях. Внешнюю политику России в этом регионе К.П. Кауфман согласовывал с МИДом и военным министерством, постоянно отправ-

ляя в Петербург копии сообщений. К.П. Кауфман управлял краем фактически тринадцать с половиной лет (1867–1882), которые совпали с наиболее важными историческими событиями [Бартольд 1925: 247].

Генерал-губернатор, будучи человеком образованным, понимал значение ресурсов Туркестанского края и культуры его народов и «был убежден, что только серьезным изучением природных и бытовых условий края, только при помощи истинно научных приемов можно достичь твердых ответов на жизненные вопросы, и потому поощрявшего возможно широкое и разностороннее научное исследование Туркестанского края» [Остроумов 1899: 195].

Длительное пребывание К.П. Кауфмана в качестве туркестанского генерал-губернатора отмечено крупными достижениями, которые принесли ему известность как «устроителя края».

К.П. Кауфман приобрел популярность не только как крупный политический и военный деятель, он много сделал для развития экономики и культуры Центральной Азии, создал ряд административных и промышленных учреждений в Туркестане, проводил колоссальную культурно-просветительскую работу. Для службы в Туркестанском крае он привлекал молодых людей, окончивших факультет восточных языков Петербургского университета, в обязанность которых входило владение местными языками и изучение обычаев живущего здесь народа.

К.П. фон Кауфмана сравнивали с французскими и английскими генералами, которые обогатили музеи своих стран различными памятниками культуры, художественными произведениями, костюмами разных народов. Благодаря К.П. Кауфману многие собрания и музеи (Публичная библиотека, Азиатский музей, Царскосельский арсенал, Политехнический музей, Географическое общество, Общество поощрения художеств и т.п.) пополнились замечательными собраниями [Стасов 1886]. Поэтому современники называли К.П. Кауфмана «одним из просвещеннейших русских генералов, глубоко уважавшего науку».

Умер К.П. Кауфман в Ташкенте. Позже его прах перенесли в Спасо-Преображенский военный собор, где покоились и другие участники туркестанских походов. В настоящее время собор разрушен. Прежде недалеко от места первоначального захоронения первого туркестанского генерал-губернатора существовал памятник ему, который до настоящего времени также не сохранился.

В одной из старых газетных публикаций было помещено сообщение о том, что спустя некоторое время после смерти К.П. Кауфмана в один из воскресных ташкентских базаров «было вынесено для продажи с аукциона имущество его, состоявшее из разных кабинетных вещей, носильного платья, головного убора (фуражки и каски), книг и проч.

В их числе была масса фотографических снимков разных местностей Средней Азии, посещенных до 1881 г. русскими путешественниками и фотографами. Все эти материалы были приобретены за 36 рублей одним чиновником — сослуживцем К.П. Кауфмана» [Л.К.Ю. 1899].

К.П. Кауфман содействовал изучению края, наладил здесь научную жизнь. Он, в частности, создал группу молодых ученых по устройству выставок и организации фотографирования для издания целого ряда альбомов и руководил ими.

Важным результатом его просветительской деятельности явилось создание так называемого «Туркестанского альбома», который больше известен как «Альбом Кауфмана».

Активную роль в сборе материалов, вошедших в «Туркестанский альбом», сыграли деятельные помощники и сотрудники К.П. Кауфмана, и среди них необходимо назвать **Александра Льдовича Куна** (1840—1888). Под его руководством работал огромный коллектив авторов. А.Л. Кун сопровождал К.П. Кауфмана во всех его среднеазиатских экспедициях.

По характеристике ориенталиста П. Лерха, А.Л. Кун был «трудолюбивым исполнителем», которому при создании «Туркестанского альбома» приходилось сталкиваться со многими трудностями, в том числе, как и многим его коллегам, работавшим до и после него в крае, преодолевать предубеждение в мусульманском мире против изображения людей.

Сам А.Л. Кун в письме к В.В. Стасову называл себя «метисом» (ОР РНБ. Ф. 738. № 167). Его отец — уроженец Пруссии (выходец из Мемеля), по профессии учитель, а мать — тавризская армянка. В 14 лет А.Л. Кун осиротел и после окончания в 1860 г. Ставропольской гимназии «по милосердию добрых людей» поступил на факультет восточных языков Петербургского университета. В 1865 г. он окончил курс (по арабско-персидско-турецкому разряду) со степенью кандидата и по настоянию профессора В.В. Григорьева поступил на службу в канцелярию Оренбургского генерал-губернатора. В 1874 г. его назначили чиновником особых поручений при учебной части Туркестанского генерал-губернаторства. В этом же году А.Л. Куна командировали делегатом на международный съезд ориенталистов в Лондоне и избрали членом-корреспондентом Института живых восточных языков в Париже [Каримов 1956: 24].

А.Л. Кун занимался составлением проекта устройства учебного дела в крае, изучением местной этнографии и статистики, сбором различных памятников, документов, мусульманских книг и рукописей, многие из которых пересылались в музеи, библиотеки и научные обще-

ства России. Например, в 1871 г. он передал в Публичную библиотеку Петербурга около сотни экземпляров рукописей, в Археологическую комиссию, а затем в Эрмитаж — огромное количество фрагментов облицовок, найденных у архитектурных памятников Самарканда и Ташкента, в Оружейную палату Москвы — серебряный трон хивинских ханов. В 1876 г. А.Л. Кун был избран действительным членом Археологического общества.

А.Л. Кун участвовал во всех военных походах того времени: в 1870 г. — в Искандер-Кульском совместно с А.П. Федченко, изучая быт и языки узбеков и таджиков верховьев Зеравшана, в 1873 г. — в Хивинском, в 1876 г. — в Кокандском. Он был одним из первых исследователей ягнобцев и их языка [Лунин 1974: 203–208]. В 1873 г. в Хиве, куда он был направлен с научной миссией, ученый посетил конфискованный ханский дворец, где собрал обширную коллекцию налоговых документов, исторических рукописей и книг, сочинений восточных поэтов, богословов, в том числе Кораны и учебники.

Во время экспедиции в Кокандское ханство А.Л. Кун также посетил ханский дворец. Но Худояр-хан мало увлекался чтением, поэтому там было найдено лишь несколько Коранов и книг. Во дворце же андижанского бека Насыр-Эддина, сына Худояра, библиотека была богаче. В Царскосельский музей оттуда отправили коллекцию дорогого оружия.

Много позже, в 1897 г., академик К.Г. Залеман выступал с отчетом о поездке в Среднюю Азию, посещении Коканда и упоминал о бесследно исчезнувшей библиотеке Худояр-хана, «хранившейся когда-то в уездном управлении» [Заседание 12 ноября 1897].

Значительную часть архива хивинских и кокандских ханов А.Л. Кун передал в Публичную библиотеку Петербурга. С его именем связано создание отдела «восточных книг и рукописей» Туркестанской публичной библиотеки. После 1917 г. обширные материалы по социально-экономической истории из архивов хивинских и кокандских ханов считались пропавшими. В 1936 г. профессор П.П. Иванов обнаружил их в необработанном фонде Публичной библиотеки Ленинграда.

А.Л. Кун считался большим любителем и знатоком редких восточных книг и ковров, которые он собирал в большом количестве во время разъездов по Средней Азии. Об этом его коллеги даже шутили: «Трудно сказать, книги ли он завертывал в ковры или ковры в книги, так много вез он тех и других в Ташкент после каждого похода» [Средняя Азия 1910, IV: 138]. Свои многочисленные публикации А.Л. Кун, близко знакомый с местной жизнью, не всегда подписывал собственным именем, иногда он печатался под псевдонимом Искандер-Тюра [Искандер-Тюра (Кун) 1871].

С 1876 по 1882 г. А.Л. Кун занимал должность главного (и первого в истории Туркестанского края) инспектора училищ. Его даже называли местным министром народного просвещения. Проработав в Туркестане 13 лет, в 1882 г. А.Л. Кун переехал в Вильно, где стал помощником попечителя учебного округа¹. Скончался он в 1888 г. в возрасте 48 лет.

Своей многогранной деятельностью А.Л. Кун положил начало полевому историко-этнографическому обследованию Средней Азии и привлек внимание многих исследователей к этому краю. Ему удалось собрать чрезвычайно ценные материалы, тогда еще практически неизвестные [Кун 1873; 1874; 1876; 1880].

Среди собирателей материалов для «Туркестанского альбома» нельзя не упомянуть **Иеронима Ивановича Краузе** (1845—1909), известного ботаника и фармацевта. В 1862 г. он поступил в Москве на работу аптекарским учеником, а в 1869 г. сдал экзамен при Московском университете на провизора. В 1870 г. И.И. Краузе переселился в Туркестанский край. В 1873 г. основал в Ташкенте городскую аптеку. Некоторое время он был директором туркестанской школы шелководства. С большим увлечением собирал полезные растения, особенно медицинские, красильные и волокнистые, в окрестностях Ташкента, Самарканда, Бухары. В 1885 г. И.И. Краузе организовал Туркестанский отдел Русского общества садоводства. За свои труды он был награжден медалями Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии в Москве и Российского общества садоводства [Маслова 1958: 43]. Вместе с агрономом М.И. Бродовским И.И. Краузе собирал материалы по разделу о промыслах и ремеслах для «Туркестанского альбома».

Одним из активных единомышленников К.П. Кауфмана был **Николай Васильевич Дмитровский**, первый библиотекарь и заведующий Публичной библиотекой в Ташкенте. Он родился в 1841 г. в Нижнем Новгороде, там же получил образование в духовной академии. Сначала он работал в Нижегородской и Виленской губерниях. В 1867 г. его назначили в распоряжение К.П. Кауфмана. Н.В. Дмитровский работал в канцелярии генерал-губернатора, был редактором газеты «Туркестанские ведомости», в которой напечатана не одна сотня его статей по разным вопросам, преимущественно исторического характера [Средняя Азия 1910, II: 121—122].

Не все чиновники администрации одобряли деятельность К.П. Кауфмана в Средней Азии. Так, в 1882 г. новый генерал-губерна-

¹ Подробнее о А.Л. Куне см.: [Лунин 1965: 114—119].

тор края энергично принялся за ломку установившихся при К.П. Кауфмане порядков. Новый генерал-губернатор привез с собой много лиц, которыми предлагал заменить сподвижников К.П. Кауфмана. Например, он поручил ознакомление с деятельностью библиотеки в Ташкенте известному в то время писателю В.В. Крестовскому, как его характеризовала местная пресса, «обремененного постоянно винными парами». На основании его наблюдений и заключений библиотеку закрыли. Для ее ликвидации была создана комиссия во главе с М.И. Бродовским. Таким образом, Ташкент остался без библиотеки [Средняя Азия 1910, II: 106–111], но некоторые книги удалось сохранить. Лишь через два года следующий генерал-губернатор восстановил библиотеку.

Автором альбома «Туркестан», который вместе с «Туркестанским альбомом» хранится в МАЭ, был также один из сослуживцев К.П. Кауфмана — выдающийся русский художник-баталист **Василий Васильевич Верещагин** (1842–1904), родившийся в семье помещика в г. Череповце. После окончания Морского корпуса в 1860 г. он поступил в Академию художеств.

В 1861–1865 гг. во время учебы в Академии художеств он увлекся путешествиями. В.В. Верещагин совершил несколько поездок — побывал в Европе, на Дунае, Кавказе. Во время своего пребывания на Кавказе в 1863–1865 гг. в Тифлисе будущий художник преподавал рисование и изучал жизнь местного населения.

По просьбе К.П. Кауфмана военный министр Д.А. Милютин ходатайствовал перед Александром II о командировании художника В.В. Верещагина на два года для подготовки альбома картин из жизни Туркестанского края. В 1867 г. В.В. Верещагин отправился в Туркестан, где генерал-губернатор поручил ему создание альбома, посвященного этнографии народов Средней Азии. Отчетом о работе по официальному заданию является фотоальбом «Туркестан», который хранится в МАЭ.

Известны путевые заметки В.В. Верещагина, которые он опубликовал после первого знакомства с краем (1867–1868) [Верещагин 1874]. Он проехал из Оренбурга до Ташкента и под впечатлением от увиденного создал картины «Опиумеды», «Обожатели бачи» и др. Летом 1868 г., живя в Самарканде, художник принимал участие в обороне русского гарнизона от бухарских войск, за что был отмечен наградой [Материалы к библиографии по истории Академии художеств 1957; Булгаков 1889, I: 87–89; Кондаков 1914; Собко 1893].

Зимой 1868–1869 гг. В.В. Верещагин жил в Париже. Весной 1869 г. в Петербурге состоялась выставка его работ, тогда еще малоизвестного художника. На ней были представлены этюды и несколько картин, созданные в Средней Азии, которые, по словам критика, «поразили всех

смелостью, правдою и реальностью изображения» [Санкт-Петербургские ведомости. 1874. № 77].

Весной 1869 г. В.В. Верещагин вновь проехал маршрутом от Оренбурга до Ташкента. Он продолжил этнографические наблюдения, которые изложил в литературных статьях и на основе которых создал художественные произведения на среднеазиатские темы. В 1870 г. В.В. Верещагин посетил Кокандское ханство и русско-китайскую границу, где участвовал в боевых действиях.

В 1871—1873 гг. художник находился в Мюнхене, продолжил работу над картинами, на которых он изображал эпизоды туркестанской войны и жизни местного населения. Во время военных действий в Хиве художник принял в них участие и создал множество новых произведений. В 1873 г. состоялась выставка картин туркестанского цикла В.В. Верещагина в Лондоне. Весной 1874 г. эту выставку, пополненную новыми работами, показали бесплатно в Петербурге в здании министерства внутренних дел. Она явилась результатом почти трехлетнего пребывания В.В. Верещагина в Туркестане.

После закрытия выставки «туркестанскую» коллекцию В.В. Верещагина приобрел для своей галереи П.М. Третьяков. Именно туркестанские (т.е. среднеазиатские) картины сделали имя художника знаменитым.

Всю жизнь В.В. Верещагин много путешествовал. Он дважды посетил Индию: в 1874—1876 гг. и в 1882 г. В 1877—1878 гг. принимал участие в русско-турецкой войне, в 1884 г. был в Сирии и Палестине, а после возвращения разъезжал по северу России. В 1889—1900 гг. В.В. Верещагин создал серию картин «Наполеон и Россия». В 1901—1902 гг. он побывал на Филиппинских островах и на Кубе, в 1903 г. — в Японии.

На одном из заседаний Совет Академии художеств присвоил В.В. Верещагину звание профессора живописи. Но художник, в это время находившийся в Индии, публично отказался от звания, считая все чины и отличия в искусстве ненужными.

В 1904 г. по приглашению адмирала С.О. Макарова художник выехал на фронт русско-японской войны и там, к несчастью, нашел свою гибель. В.В. Верещагин погиб недалеко от Порт-Артура во время взрыва броненосца «Петропавловск» вместе с самим адмиралом С.О. Макаровым 31 марта 1904 г.

Автор альбома «Виды и типы Хивинского ханства» подпоручик **Григорий Е. Кривцов** был известным фотографом, о чем свидетельствуют его работы, помещенные на страницах ежегодника Туркестанского статистического комитета «Материалы для географии и статистики Туркестанского края» и других иллюстрированных изданий с публика-

циями о путешествиях и экспедициях, новых землях и народах. Он был и одним из фотографов «Туркестанского альбома».

Имя Г.Е. Кривцова находится в одном ряду с единомышленниками, коллегами, помощниками первого туркестанского генерал-губернатора К.П. Кауфмана, такими как Н.П. Остроумов, Н.В. Дмитриевский, В.И. Межов, В.В. Верещагин, создателями знаменитого «Туркестанского альбома» А.Л. Куном, В.П. Ивановым, И.И. Краузе, М.А. Терентьевым, Н.В. Богаевским, Л.А. Шостаковым (Шестак), Н. Нехорошевым и многими другими. Г.Е. Кривцов участвовал в экспедициях по Бухарскому ханству (в Шахрисябз 1874 г. и в Гиссар в 1875 г.) известного военного журналиста и редактора газеты «Туркестанские ведомости» Н.А. Маева.

В 1873 г. в русской и зарубежной печати постоянно обсуждались слухи о русском походе в Хиву и его возможных последствиях. В газетах часто публиковались сообщения о военных действиях, материалы, посвященные Хиве, а также иллюстрации к ним — рисунки «из путевой книжки русского офицера» (наброски поручика (инициалы неизвестны) Дикгофа, Н.Н. Каразина, И.К. Агапи и др.). Известие о занятии русскими Хивы, завоевании ханства произвело необычайно сильное впечатление в Европе [Всемирная иллюстрация. 1873. № 223]. Поэтому появление альбома «Виды и типы Хивинского ханства» не осталось незамеченным общественностью.

Вскоре после восстановления на престоле ранее бежавшего из Хивы Мухаммед-Рахим-хана К.П. Кауфман распорядился произвести сбор сведений о населении ханства, его географии, статистике, этнографии и топографии. «Всемирная иллюстрация» писала: «Экспедиция русских войск в Хиву <...> послужит вместе с тем к обогащению науки ценным вкладом новых любопытных сведений о малоизвестной части Средней Азии» [Всемирная иллюстрация. 1873. № 245]. Наряду с естественно-историческими исследованиями А.П. Богданова, И.И. Краузе и Королькова (инициалы неизвестны), поездками А.Л. Куна по наиболее значительным пунктам, военно-топографический отдел подготовил большую карту Хивинского ханства. Создание Г.Е. Кривцовым альбома «Виды и типы Хивинского ханства» было частью разностороннего знакомства с краем [Всемирная иллюстрация. 1873. № 255].

Собиратель первой фотоколлекции МАЭ по казахам **Иван Семенович Поляков** (1845/7—1887) происходил из казаков Забайкалья. Он родился в станице Ново-Цурухайтуевской на Аргуне, в семье бурятки и бедного неграмотного казака [Праслов 1982: 7].

Сначала грамоте его обучал казачий урядник. После окончания местной школы, а затем и Иркутского военного училища И.С. Поляко-

И.С. Поляков [Праслов 1982: 9]

ва оставили в нем преподавать. Особенно И.С. Поляков увлекался зоологией и археологией. Огромную роль в жизни будущего исследователя сыграло знакомство, в дальнейшем переросшее в более близкие дружеские отношения, с видным ученым и революционером П.А. Кропоткиным. И.С. Поляков принимал участие в его экспедиции. Впоследствии, после ареста и заключения в Петропавловскую крепость П.А. Кропоткина, это не лучшим образом сказалось на судьбе И.С. Полякова.

Благодаря помощи П.А. Кропоткина И.С. Поляков в 1868 г. переехал в Петербург [Праслов 1982: 7]. До поступления в университет, он, испытывая острую нужду, вынужден был жить уроками. В 1871 г. И.С. Поляков окончил естественное отделение физико-математического факультета Петербургского университета со званием магистра зоологии и поступил на службу хранителем Зоологического музея Академии наук. И.С. Поляков совершил многочисленные научные экспедиции, в течение нескольких лет был редактором «Записок ИРГО» по общей географии. Как любитель природы, он был великолепным и наблюдательным рассказчиком, публикуя свои впечатления в виде худо-

жественных произведений. По отзыву известного ученого Д.Н. Анучина, И.С. Поляков был неустанным и разносторонним изыскателем и по своей талантливости и неутомимой деятельности принадлежал к разряду выдающихся личностей. И.С. Поляков участвовал в многочисленных, главным образом зоологических, экспедициях, производил археологические раскопки. Ему принадлежит заслуга первооткрывателя в 1879 г. теперь всемирно известной палеолитической стоянки Костенки. Для МАЭ кроме приобретения фотографий по казакам И.С. Поляков занимался сбором этнографических материалов по народам Сибири, Сахалина и Японии.

Имя художника П.М. Кошарова получило известность среди этнографов после публикации его «Этнографического альбома Дико-каменных киргизов» С.М. Абрамзоном [Абрамзон 1953]. Однако в биографической справке о П.М. Кошарове был допущен ряд неточностей. О художнике П.М. Кошарове тепло отзывался знаменитый географ П.П. Семенов-Тянь-Шанский. Краткие сведения о нем содержатся в художественных справочных изданиях и других библиографических публикациях [Петров 1864—1866; Материалы к библиографии по истории Академии художеств 1957; Булгаков 1889, I: 87—89; Кондаков 1914; Собко 1893, I; Маслова 1955]. Но о П.М. Кошарове знают мало.

В настоящее время хорошо известны этнографические рисунки из жизни киргизов П.М. Кошарова (1824—?). В МАЭ хранятся его «Этнографический альбом Дико-каменных киргизов» (колл. 116) и две тетради с зарисовками карандашом типажей и предметов быта (колл. 2643).

Среди архивных материалов нам все же удалось отыскать некоторые документы, связанные с жизнью **Павла Михайловича Кошарова**. Прежде всего, выяснилось, что изначально его фамилию писали как Кошеров и даже Коширов. Так подписывался он сам в 1840 г. В некоторых справочниках, изданных до 1917 г., его называли Кошеровым.

В архиве сохранилось прошение будущего художника от 1840 г. о его желании поступить в Академию художеств в число «вольноприходящих» (вольнослушателей). Совету Академии художеств молодой человек представил свои рисунки и необходимые для поступления на учебу документы — отпускную, т.к. был из вольноотпущенных крепостных: «Вдова егермейстера и кавалерственная дама княгиня Анна Александровна Голицына, урожденная княжна Прозоровская 3 февраля 1839 года отпустила вечно на волю дворового моего человека Павла Михайлова Кошеров записанного по последней 8-й ревизии при вотчине моей Владимирской губернии Покровского уезда, в селе Ивановском, до которого впредь как мне так и наследникам моим дела не имеют» (РГИА. Ф. 789. Оп. 14. № 52-К. Л. 3).

Следовательно, как нам удалось установить, П.М. Кошаров был не уроженцем Сибири (так утверждалось в известной публикации О.В. Масловой) [Маслова 1956], а выходцем из-под г. Владимира. Портрет П.М. Кошарова не сохранился, но в этой же его отпускной содержится описание внешности «вольноотпущенного»: «Он ростом 2 аршина 4 вершков (158,6 см. — *В.П.*), волосы и брови темно-русые, глаза серые, нос прямой, лицо круглое белое, 15-ти лет, на левой брови от ухаiba знак». Таким образом, родился П.М. Кошаров в 1824 г.

По просьбе П.М. Кошарова Академия художеств выдала ему в 1842 г. так называемый «билет» — документ, удостоверявший, что он является вольноотпущенным, а его отпускная хранится в делах Академии художеств. Билет давал ему право беспрепятственно обучаться вольноприходящим учеником в Академии художеств и свободно жить в Петербурге. Так П.М. Кошаров оказался среди тех редких счастливицков из массы одаренных крепостных, которые получили не только отпускную, но и возможность учиться в одном из лучших художественных заведений Европы, в Академии художеств Петербурга.

Одновременно с П.М. Кошаровым в Академии художеств учились братья Сорокины (инициалы неизвестны) и Бронников (инициалы неизвестны), с которыми, по его словам, он был особенно дружен. После курса черчения ордеров и линейной перспективы, «желая посвятить себя живописному художеству» (РГИА. Ф. 789. Оп. 14. № 52-К. Л. 5), П.М. Кошаров просил Совет Академии разрешить ему посещать классы профессора Карла Павловича Брюллова. У знаменитого художника П.М. Кошаров занимался до 1845 г.

В 1846 г., «удостоенный Академией художеств звания учителя рисования в гимназиях из вольноотпущенных», П.М. Кошаров обратился в департамент министерства народного просвещения определить его на работу в Симферопольскую гимназию. Для устройства на эту должность среди прочих документов художник должен был представить в Сенат главный — отпускную бывшего крепостного.

В Симферопольской гимназии П.М. Кошаров преподавал рисование, черчение и чистописание. За три года работы в Крыму он познакомился с археологом графом А.С. Уваровым и известным художником И.К. Айвазовским, в мастерской которого занимался. В последующие годы после окончания учебы в Академии художеств «ее питомец» (так называл себя П.М. Кошаров) продолжал заниматься живописью. В 1848 г. после представления Совету Академии художеств этюда, «писанного с натуры», П.М. Кошарову выдали аттестат на звание «неклассного художника».

После возвращения в Петербург в 1850 г. П.М. Кошаров возобновил занятия перспективной живописью у профессора М.Н. Воробьева. Он изучал теорию и линейную перспективу, одновременно преподавал эти же дисциплины на уроках рисования в учебных заведениях и частных домах. Результатом успешных занятий П.М. Кошарова стало составленное им «Руководство к перспективе с применением ее к практическому рисованию», одобренное профессором М.Н. Воробьевым.

Положение «вольнотпущенного», хоть и обладавшего талантом замечательного рисовальщика, тяготило его и делало зависимым от многих обстоятельств. Чтобы стать полноправным гражданином крепостнической среды, ему приходилось настойчиво напоминать о себе. П.М. Кошаров стремился к официальному признанию его высокопрофессиональным, «классным» художником. С этой целью он обратился в Совет Академии художеств с просьбой о предоставлении ему программы на звание «академика по части перспективной живописи» и предлагал для этого написать интерьер Казанского собора.

Итогом постоянного изучения пейзажной, морской и перспективной живописи стали две картины, написанные П.М. Кошаровым с натуры в Западной Сибири, в горах Алтая: Телецкое озеро и река Копша. Эти работы художник прислал в Академию художеств в 1855 г. из Томска, где жил в то время. Архивные документы, рассказывающие о томском периоде жизни живописца, свидетельствуют, что именно с этого времени свои работы он подписывал не Кошеров, а Кошаров.

Работы П.М. Кошарова экспонировались на академических выставках, их отмечали зрители. Особое значение для бывшего крепостного имело знакомство императрицы с его рисунками серии «Виды и типы Алтая». Она удостоила их своим вниманием и похвалила.

В 1883–1884 гг. П.М. Кошаров исполнил для Музея военно-учебных заведений три этнографических альбома — Сибири, Алтая и Киргизских степей. Во время пребывания великого князя Владимира Александровича в Томске художник преподнес ему альбом «Виды и типы Томской губернии». В 1883 г. П.М. Кошаров представил Совету Академии художеств эскизы видов Сибири и альбом томской флоры.

К началу 1880-х годов бывший крепостной достиг чина статского советника и был кавалером нескольких орденов. Нелегкую, но полезную художественно-научную этнографическую деятельность П.М. Кошарова Совет Академии художеств оценил в 1886 г., удостоив его лишь звания «почетного вольного общинника». Удивленный и огорченный этим, художник выразил благодарность за это звание и непонимание того, что оно означало: «Надеюсь, что его дают за художественные за-

слуги». Это звание было лишь почетным, присуждали его не только художникам, но и другим лицам «за труды на художественном поприще». Оно не давало каких-либо прав или преимуществ, лишь предоставляло возможность носить мундир VI разряда.

В 1892 г. в Совет Академий художеств пришло письмо от дочери П.М. Кошарова Екатерины. Она сообщала о себе, что рисованию ее обучал отец по программе Алексеевского реального училища. Затем она стала преподавать, готовить детей для поступления в училища. Иногда выполняла заказы, зарисовывая «сибирские древности». Приехать из Томска на экзамены она не могла «по домашним обстоятельствам отца» и потому прислала свои рисунки с просьбой рассмотреть возможность о присуждении ей звания учительницы рисования «хотя бы в низших классах женских гимназий или народных школах».

Последнее известие о П.М. Кошарове — его ответ на отказ Совета Академий художеств на просьбу дочери. В письме он хвалил ее работы «не потому, что она моя дочь» и пытался убедить тех, от кого зависело это решение, что Екатерина Кошарова достойна звания учительницы рисования.

Несмотря на то что крепостное право в России отменили в 1863 г., на судьбе и характере творчества П.М. Кошарова не могло не сказаться то, что он был бывшим крепостным. Преданность искусству, подвижничество, профессиональное мастерство не помогли художнику достичь заветного для него звания академика живописи. Совет Академии художеств не оценил его самобытности, заслуг перед искусством и наукой и счел П.М. Кошарова не заслуживающим этого звания.

Целый ряд имен художников, удостоенных в свое время звания академика живописи, помнят разве что специалисты, а творчество П.М. Кошарова было высоко оценено в последующие годы. Множество рисунков и акварелей художника П.М. Кошарова опубликованы и иллюстрируют собрание сочинений Ч.Ч. Валиханова. Этнографические рисунки из альбома и тетрадей П.М. Кошарова, хранящиеся в МАЭ, спустя более века неоднократно копировали современные художники, нынешние выпускники Академии художеств. В 1987 г. при создании новой экспозиции «Хозяйство, кочевой быт и социальные отношения у киргизов в XIX — начале XX в.» Государственный исторический музей Киргизии специально направил в МАЭ научного сотрудника для организации изготовления копий с рисунков П.М. Кошарова. Так что можно с уверенностью сказать, что имя П.М. Кошарова вошло в летопись Академии художеств, в историю русской живописи, а также в историю отечественной науки наряду с крупнейшими учеными-исследователями Средней Азии.

Кроме МАЭ произведения П.М. Кошарова находятся в архиве Географического общества в Петербурге, в Томском краеведческом музее и библиотеке Томского университета, а также в фондах музея Т.Г. Шевченко в Киеве.

Среди авторов иллюстративных коллекций был **Дмитрий Алексеевич Никитин**, военный фотограф, прикомандированный к штабу группы русских войск Кавказского фронта. В 1878 г. его альбом «Коллекция этнографических и археологических фотографий» был отмечен в Русском отделе Всемирной выставки в Париже.

В числе первых собирателей коллекций МАЭ был также **Николай Карлович Зейдлиц** (1831–1907), действительный статский советник, статистик и этнограф, сын К.К. Зейдлица, доктора медицины, известного в русской истории дружбой с В.А. Жуковским. Он окончил Дерптский университет по курсу естественных наук, много путешествовал по Закавказью. По роду занятий Н.К. Зейдлиц был также военным инженером и писателем. В 1868 г. он был назначен главным редактором Кавказского статистического комитета. Комитет составлял по отдельным областям Кавказа многочисленные таблицы, обобщающие распределение национальностей, языков и религий. На их основе издавались подробные и точные этнографические карты. В 1880 г. он составил «Этнографическую карту Кавказского края» (одна из таких огромных карт в настоящее время развернута на стене кабинета этнографии народов Кавказа МАЭ и помогает в работе исследователям). В 1874 г. Н.К. Зейдлиц объехал большую часть Закавказья с целью сбора материалов по административной статистике. Он издал серию томов по народонаселению и населенным пунктам Закавказья. Н.К. Зейдлиц — автор многочисленных трудов по кавказоведению.

Он был также автором других карт, в том числе изданных в Германии на немецком языке. Его карты содержали ценные сведения о внутренних территориях изучаемых регионов. До карт Н.К. Зейдлица многие из этих районов изображались зачастую схематично и даже ошибочно. Появление карт Н.К. Зейдлица стало определенным этапом в развитии отечественной этнографии, особенно кавказоведения в 1880–1890-е годы.

Среди первых фотоколлекций МАЭ была также коллекция 1886 г. от Барщевского, или, как его фамилия была занесена в музейные документы, «Барцевского». Сам мастер обозначал себя в углах стеклянных негативов так: «собственность фотографа Барщевского». В МАЭ от него поступили фотографии археологических предметов — глиняной утвари различных форм и орнаментации с разноцветной поливой, предметы из

железа и меди из Сарайских развалин дворца Чингиз-хана, а также обломки архитектурного декора сооружений Самарканда, керамика и бронза из раскопок доктора И.-А.Э. Регеля в Кульдже² (колл. 166). Любопытно, что почти одновременно в России работали два известных фотографа с фамилией Барщевский. На коллекционных снимках и в документах МАЭ не указаны инициалы их автора.

Фотограф **Лев Семенович Барщевский**, офицер русской армии, в 1890-е годы работал в Туркестане. В Самаркандском областном музее хранится его археологическая коллекция. Он был известен также как один из корреспондентов газеты «Туркестанские ведомости».

Вероятнее всего в коллекционном фонде музея хранятся снимки **Ивана Федоровича Барщевского**, члена-корреспондента Московского археологического общества. По оценке известного критика В.В. Стасова, И.Ф. Барщевский был «нашим отличным фотографом», который постоянно предпринимал «фотографические экскурсии из Ростова-Ярославского во все края нашего отечества, результатом чего являются 25 толстых томов великолепно исполненных снимков с замечательнейших созданий искусства» [Стасов 1886: 406].

Альбомы, о которых упоминал В.В. Стасов, представляют собой объемные тома большого формата с картонными страницами, на которые наклеены фотографии, названы «Русская архитектура» и хранятся в РНБ. Подобные фотоальбомы, производимые не типографским способом, создавались очень небольшим тиражом. В состав томов И.Ф. Барщевского вошло свыше 3000 листов фотографий. В основном это были изображения древнерусских памятников архитектуры, живописи, скульптуры и образцов художественных ремесел (изделия из дерева, камня, металла, фаянса, стекла, вышивка, кружево и т.п.). Кроме того, И.Ф. Барщевский воспроизводил изображения разнообразных коллекций из собраний музеев Москвы, Ростова Великого и Киева.

Отдельный альбом многотомника фотограф посвятил снимкам коллекций музеев Академии наук. В нем представлены преимущественно изображения предметов, относящихся к культуре калмыков, монголов, Золотой орды и сибирских народов. Фотографии археологических предметов из раскопок И.-А.Э. Регеля, которые хранятся в МАЭ, в этом многотомнике И.Ф. Барщевского не представлены. Можно предположить, что автор изъезжал эти снимки из альбома с целью передачи в МАЭ.

Архивные материалы показали, что в годы, когда И.Ф. Барщевский жил в Ярославле, его фотоателье называлось «Этнографическая

² О нем и его коллекциях в МАЭ см.: [Прищепова 2000].

модельная мастерская». В оформлении бланка своей мастерской он использовал кроме эмблемы Московского археологического общества эмблему Академии художеств, в которой он мог обучаться. Многие первые фотографии происходили из среды профессиональных художников. Однако имя И.Ф. Барщевского в справочных изданиях среди выпускников Академии художеств не упоминается.

На бланке мастерской И.Ф. Барщевского были помещены изображения многих медалей, которых фотограф был удостоен на выставках или конкурсах. В 1895 г. И.Ф. Барщевский переписывался с Центральным училищем технического рисования барона А.Л. Штиглица об условиях издания 150 таблиц фотографий, собранного им «орнамента памятников древнерусских изделий» (РГИА. Ф. 790. Оп. I. № 60).

И.Ф. Барщевский был известен современникам не только как фотограф. На протяжении более десяти лет он был ближайшим помощником княгини М.К. Тенишевой, знатока русского искусства. Она своей активной деятельностью по созданию музея в Талашкино привлекала внимание многих известных личностей. Среди ее окружения были И.Е. Репин и И.С. Тургенев, С. Мамонтов и М.А. Врубель, П.И. Чайковский и К.А. Коровин, Н.К. Рерих, С. Дягилев и многие другие, которых М.К. Тенишева упоминала в своих дневниковых записках, в их числе и И.Ф. Барщевский. Соединив рассеянные в воспоминаниях М.К. Тенишевой сведения о И.Ф. Барщевском, можно многое узнать о нем.

В Ярославле И.Ф. Барщевский занимал скромную должность надсмотрщика работ при губернской земской управе, «едва зарабатывая для своей семьи». Лишь в свободное время он делал снимки с памятников искусства русского севера. Однажды фотоработы И.Ф. Барщевского — «более пяти тысяч клише с предметов русской старины» — увидела М.К. Тенишева и заказала ему шестьсот снимков с предметов своей коллекции. Ей понравилась преданность И.Ф. Барщевского их общим интересам, и она пригласила фотографа к себе в Смоленск.

Сначала в обязанности И.Ф. Барщевского входило следить за постройкой дома-музея, потом М.К. Тенишева поручила ему заниматься в керамической мастерской.

С И.Ф. Барщевским и другими своими единомышленниками М.К. Тенишева ездила в Москву по делам создания музея. В 1905–1908 гг., находясь в Париже, напуганная доходящими известиями о волнениях в России, М.К. Тенишева попросила И.Ф. Барщевского вывезти к ней из Смоленска наиболее ценные музейные собрания. Позже он же занимался их отправкой назад. Воспользовавшись прибытием коллекций из Смоленска, М.К. Тенишева с помощью И.Ф. Барщевско-

М.К. Тенишева и И.Ф. Барщевский в керамической мастерской
[княгиня Тенишева 1991]

го задумала устроить показ предметов русского искусства в залах Лувра. Выставка вызвала заинтересованные отклики. После торжественного открытия, рукоплесканий, поздравлений и обеда французское правительство отметило организаторов выставки. Кроме подарков М.К. Тенишева получила звание деятеля народного образования Франции, а И.Ф. Барщевскому был присужден орден Пальмовой ветви.

Спустя годы, после передачи музея М.К. Тенишевой Археологическому обществу, И.Ф. Барщевский был награжден знаком почетного члена общества. Это звание давало мужчинам право на чин статского советника. С этого времени между М.К. Тенишевой и И.Ф. Барщевским стали складываться сложные отношения. М.К. Тенишева была попечительницей созданного ею музея, И.Ф. Барщевский же хотел быть независимым директором музея. Позже ему удалось осуществить свою мечту. После революции 1917 г. И.Ф. Барщевского назначили директором музея М.К. Тенишевой [княгиня Тенишева 1991].

И.Ф. Барщевский вошел в историю русского фотоискусства как выдающийся фотомастер. По мнению специалиста в области научной

и прикладной фотографии А.В. Редько, И.Ф. Барщевский был талантливым фотографом конца XIX — первого десятилетия XX в., который внес большой вклад в русскую портретную и жанровую фотографию [Редько 1999: 37].

Изучение истории поступления коллекций по народам Средней Азии и Казахстана невозможно без оценки вклада в организацию планомерного пополнения фондов МАЭ директора музея академика В.В. Радлова. В целях привлечения широкого круга лиц к научному собирательству этнографического материала при МАЭ были организованы систематические занятия с демонстрацией музейного материала. Консультации проводились по методике сборов этнографических коллекций, опираясь на специально составленную В.В. Радловым «Инструкцию» [Радлов 1898].

Благодаря предварительной подготовке будущих собирателей коллекций и изданию «Инструкции» МАЭ приобрел грамотных помощников на местах, которые пополняли его фонды. В конце XIX в. корреспондентами МАЭ в большинстве случаев становились представители местной интеллигенции, русской администрации, учителя, врачи.

Так, в 1898 г. корреспондентом МАЭ стал **Константин Николаевич де-Лазари**, начальник Лепсинского уезда Семиреченской области. К.Н. де-Лазари не был этнографом, но увлекался краеведением. В свободное от службы время он посещал казахов и изучал их жизнь. В переписке с главным хранителем МАЭ Д.А. Клеменцем он сообщал о своей готовности сотрудничать: «Корреспондентом Музея я буду с удовольствием и постараюсь аккуратно и внимательно отвечать на все запросы и вопросы Музея, а также исполнять все его поручения <...> я прошу снабдить меня самыми подробными указаниями, какие именно сведения из киргизской (казахской. — В.П.) жизни нужны Музею, на что я должен обратить внимание и что подробно описать?» (АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. № 50. Л. 80–81).

В переписке с МАЭ он предлагал присылать необходимые сведения, коллекции и фотографии: «Образ жизни киргизов быстро изменится, а потому, мне кажется, нужно торопиться возможно полнее иллюстрировать жизнь кочевников в настоящее время. Ввиду этого я желал бы снять для Музея побольше фотографий, для чего не пожалю ни труда, ни личных средств насколько возможно» (АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. № 52. Л. 12–14).

В своих письмах главный хранитель МАЭ Дмитрий Александрович Клеменц просил сообщать подробные сведения о вещах, чтобы «представить возможно полнее жизнь и быт» казахов. Поэтому каждый

предмет из своих собраний К.Н. де-Лазари снабжал ярлыком с местным названием, в сопроводительных описях сообщал сведения об использовании предметов. Одна из его коллекций состояла из десяти посылок: «Прошу Музей всю присланную коллекцию принять от меня в дар, не высылая денег ни за что, если я своим трудом и пожертвованиями принесу музею хоть незначительную пользу, — то сознание этого будет для меня большое вознаграждение» (АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. № 50. Л. 79).

Д.А. Клеменц предлагал собирателю присылать сведения по различным аспектам материальной культуры и духовной жизни казахов, начиная от приготовления пищи до свадебных, погребальных и иных обрядов: «Наши коллекции крайне бедны. Отдел киргизов, можно сказать, почти не существует, потому можете быть уверены, что все, что Вы сообщите, будет интересно и поучительно и будет принято с глубочайшей признательностью» (АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. № 52. Л. 15–16). Однако у Д.А. Клеменца была одна мечта — получить для музея с помощью К.Н. де-Лазари свадебный наряд казахской невесты и празднично убранное седло: «Не согласится ли кто-либо из богатых и честолюбивых кочевников пожертвовать эти вещи в музей Академии наук, за это он получит медаль на Станиславской ленте. За подобные услуги музею были уже награждены многие лица» (Там же. Л. 14–15).

Коллекции К.Н. де-Лазари в музее ждали с нетерпением и признательностью: «По получении предлагаемых Вами коллекций музей по Антропологии и Этнографии сочтет своим долгом ходатайствовать перед конференцией о выражении Вам благодарности за Ваши труды и пожертвования» (Семейный архив доктора Анджея де-Лазари. Лодзь, Польша). Инвентарный список полученной в дар и поступившей в собственность музея коллекции печатался типографским способом и затем экземпляр его отправляли собирателям, в том числе К.Н. де-Лазари.

Нередко предметные коллекции поступали от собирателей вместе с фотоколлекциями, которые дополняли вещевые. К.Н. де-Лазари присылал в МАЭ не только вещевые коллекции, но и снимки: «Высылаю Музею фотографии своей работы с пояснениями снятого на обороте картон (21 шт.). На все заданные вопросы постараюсь дать обстоятельные ответы <...> постараюсь выслать еще кое-что из вещей, употребляемых киргизами. Пока я еще не нашел киргиза, желающего выслать модель свадебного убора девушки-киргизки, но надеюсь так или иначе раздобыть его для Музея» (АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. № 50. Л. 80).

В состав трех фотоколлекций, которые прислал К.Н. де-Лазари, входит несколько снимков свадебного наряда казахской невесты Семиреченской области (колл. № 410-1, 418-2, 3, 423-12). *Саукеле* на этих фо-

тографиях высокое, увенчанное пучком перьев. Нагрудное украшение расположено у подбородка и представляет собой небольшую прямоугольную металлическую пластину, от которой свисают ниже талии многочисленные подвески. На всех трех изображениях девушка-невеста показана в фас: «ни одного в профиль, т.е. нет ни одного бокового вида головного убора. Вид сзади хорошо бы иметь», — об этом просили собирателя сотрудники музея. Тем не менее хорошей сохранности технически прекрасно выполненные кадры казахской невесты К.Н. де-Лазари стали одними из первых и лучших фотоснимков в собрании МАЭ этого старинного убора.

К.Н. де-Лазари формировал свои коллекционные сборы по собирательской программе, изложенной в «Инструкции» В.В. Радлова, присланной ему Д.А. Клеменцем вместе с рекомендуемой литературой о казахах. Константин Николаевич придерживался методики сбора коллекций В.В. Радлова, например для изучения кочевого жилища. Среди вещей, полученных МАЭ от К.Н. де-Лазари, были предметы интерьера кочевого жилища — войлок-*сырмак*, коврик из конской шкуры, деревянные кровати, вешалка, шерстяные ленты для связывания юрты. Константин Николаевич прислал предметы по уходу за скотом, образец веревки, скрученной из конского волоса, овечьи, козьи и верблюжьи пух и шерсть — продукты скотоводства, главного традиционного занятия кочевников. Он собрал разные виды казахского оружия — дубинку, пику и боевой топорик-*айбалта*. По договоренности с главным хранителем Константин Николаевич принес в дар музею предметы, связанные с домашними промыслами, такими как прядение, ткачество (веретена, ткацкие станки, образец тканой домашней армячины), и кузнечным ремеслом — меха.

Обширные вещевые сборы К.Н. де-Лазари включали старинную утварь — деревянный ковш для разливания кумыса, другую посуду, в том числе деревянную маслобойку-*саба* с пестом-*пспек*, сосуды из кожи для хранения пищевых продуктов, сумки для хранения и переноса посуды. Константин Николаевич преподнес музею одежду, мужскую (шаровары, старинные пояса ксе) и женскую (рубахи), шапки и серебряные ювелирные изделия (женские серьги, мужские перстни, пуговицы). По поводу мужского пояса с сумками Д.А. Клеменц уточнял у собирателя, действительно ли пояс без сумок у казахов считался более старинным, и эти сведения зафиксировал в коллекционной описи. В вещевые сборы К.Н. де-Лазари входят предметы культа (посох проповедника, четки, амулеты, свечи), костяшки для игры в «бабки», а также музыкальные инструменты — домбра, металлический барабан и *кобыз*, который использовали шаманы (колл. 403, 410, 411). В письмах

Д.А. Клеменц называл казахских *баксы* «кудесниками, остатком древнего шаманства». Его интересовало, сохранился ли этот важный элемент народных верований, он просил описать приемы гадания, принадлежности традиционной религиозной практики.

Часто вещевые коллекции музея дополнялись иллюстративными материалами. Практически в то же время, когда в музей поступили коллекции от К.Н. де-Лазари, в 1894 г. МАЭ приобрел собрание фотоснимков от Н. Ордэ. В его состав вошли два снимка, выполненные среди казахов Семиречья. Фотография «Киргиз-музыкант. Виртуоз» по случайному совпадению выполнена в Семиречье. Из этого же района происходит кобыз К.Н. де-Лазари.

На снимке «Киргиз-музыкант. Виртуоз» Н. Ордэ запечатлен кобыз — смычковый инструмент с двумя струнами из конских волос, в верхней части он украшен железными кольцами с подвесками, которые являлись одними из обрядовых атрибутов шамана (колл. № 255-67). Именно в наличии подобных металлических подвесок состояло отличие шаманского кобыза от кобыза, на котором аккомпанировали себе исполнители казахского героического эпоса. По внешнему виду инструмент со снимка Н. Ордэ похож на кобыз из коллекции К.Н. де-Лазари [Казгулов, Шаханова 1989].

Кобыз из коллекции К.Н. де-Лазари позволяет изучить этот главный ритуальный инструмент шаманского камлания казахов. В отдельных районах Казахстана с середины XIX в. его стали заменять домброй, на которой, как считалось, было легче играть. Некоторые баксы с конца XIX — начала XX в. стали вообще обходиться без музыкального сопровождения. Снимок Н. Ордэ показывает, как кобыз держали в руках, видна постановка инструмента, манера игры. Казахские шаманы нередко славились как музыканты-виртуозы, поэтому в названии фотографии подчеркнуто именно исполнительское мастерство *кобузчи*. У казахов, как и у других среднеазиатских народов, не сохранилось обрядовое одеяние шамана [Басилов, Кармышева 1997], что и отражает снимок «Киргиз-музыкант. Виртуоз». Костюм шамана на снимке состоит из белой чалмы, традиционного халата и кожаных сапог на каблуке. Таким образом, К.Н. де-Лазари прислал в музей шаманский музыкальный инструмент, а фотография из иллюстративного фонда дополнила его новыми сведениями.

Сотрудничество К.Н. де-Лазари с МАЭ началось в 1897 г. В октябре он, начальник уезда, служивший в г. Лепсинске Семиреченской области «на самой окраине нашего обширного Отечества, вблизи его границы с Китаем», отправил заявление с предложением, «насколько возможно больше, быть полезным Музею»: «Я беру на себя смелость предложить

Музею свои посильные услуги по изучению быта киргизов и по приобретению разных предметов выделяемых и употребляемых киргизами» (Семейный архив доктора Анджея де Лазари. Лодзь, Польша).

К этому времени К.Н. де-Лазари уже в течение шести лет занимался фотографией, пополнив ряды любителей. Снимки из жизни казахов, выполненные им, действительно интересовали музей.

К.Н. де-Лазари стремился быть полезным для науки, используя «служебное положение, давшее мне возможность довольно хорошо изучить быт киргизов благодаря тому, что летние месяцы я провожу в степи и живу почти тою же жизнью и при той же обстановке, как и киргизы» (Семейный архив доктора Анджея де Лазари. Лодзь, Польша). Эти слова подтверждает фотография из семейного архива семьи де Лазари, на которой Константин Николаевич сидит в юрте рядом с русским чиновником, изображенным также на одном из снимков фотоколлекции К.Н. де-Лазари, хранящейся в МАЭ.

К.Н. де-Лазари в юрте. Из семейного архива доктора Анджея де Лазари.
Лодзь, Польша

В истории формирования коллекций МАЭ по народам Центральной Азии, в частности по казахам, трудно найти второго такого активного собирателя, особенно среди наиболее ранних по времени поступ-

ления коллекций, как К.Н. де-Лазари. Он сам откликнулся из далекого Лепсинска, предложил сотрудничать, изучать культуру казахов по заданию музея: «Очень прошу Музей делать мне (все) свои поручения с полной уверенностью в том, что я почту для себя за большую честь и особое удовольствие услужить Музею насколько смогу и сумею» (Семейный архив доктора Анджея де Лазари. Лодзь, Польша).

При этом он грамотно предположил необходимость сначала уточнить лакуны в коллекциях и потому сразу же выслал опись вещей, которыми располагал. Будущий собиратель оговаривал, что коллекции он будет высылать бесплатно, что для музея было очень актуально во все времена его существования. Исключением были вещи «старинные, вышедшие уже из употребления <...> более или менее ценные и потому получить их можно не иначе как за деньги». Отдельной строкой Константин Николаевич оговорил стоимость медвежьей и лисьей шкуры, которые также предлагал музею. Впоследствии его современные польские потомки шутили, что их дед безвозмездно передавал в музей коллекции и только «медвежью шкуру задарма не отдавал» (Семейный архив доктора Анджея де Лазари. Лодзь, Польша). По поводу финансовых возможностей МАЭ его ученый хранитель с грустью объяснял собирателю ситуацию: «Музей наш, как это ни кажется невероятным, обладает очень скромными, чтобы не сказать ничтожными, средствами» (Там же).

В отчете Академии наук в разделе о деятельности МАЭ за 1898 г. было отмечено «новое крупное поступление в виде пожертвований» от К.Н. де-Лазари [Отчеты о деятельности Императорской Академии наук. 1894—1899: 59].

Кроме МАЭ К.Н. де-Лазари в апреле 1898 г. сотрудничал с Семиреченским областным статистическим комитетом, который находился в г. Верном. В архиве семьи де-Лазари в Лодзи хранится письмо, подписанное Григорием Ивановым. В нем выражается благодарность Константину Николаевичу за пожертвованные им в областной музей фотографии, «исполненные превосходно и представляющие собою весьма ценный вклад в бедный коллекциями такого рода туземный отдел» (Семейный архив доктора Анджея де Лазари. Лодзь, Польша).

В то же время в апреле 1898 г. К.Н. де-Лазари прислал в Западно-Сибирский отдел Императорского Русского географического общества в Омске 40 фотографий из жизни кочевников и переселенцев. Ввиду готовности Константина Николаевича впредь сотрудничать ему переслали программу для собирания этнографических предметов, в связи с чем в Западно-Сибирском отделе был поставлен вопрос об избрании его членом Географического общества.

Активное сотрудничество К.Н. де-Лазари с МАЭ в 1897–1898 гг. внезапно прервалось. Последнее письмо Д.А. Клеменца, адресованное собирателю, датировано 15 апреля 1898 г. В нем хранитель приносит «глубокую благодарность от имени администрации музея за новые пожертвования» в виде фотоколлекции и, пользуясь наступившей весной, интересовался условиями и правилами летних перекочевок. В письме также выражалась надежда на личное знакомство, т.к. Д.А. Клеменц летом 1898 г. собирался в командировку в Турфан и на обратном пути планировал заехать в Лепсинск к К.Н. де-Лазари.

В домашнем архиве семьи собирателя хранится приказ Степного генерал-губернатора генерала от кавалерии барона М.А. Таубе от 17 сентября 1898 г. об увольнении Лепсинского уездного начальника титулярного советника де-Лазари в трехмесячный отпуск. Затем К.Н. де-Лазари переехал в западную губернию царства Польского, и в 1899 г. был назначен мировым посредником по Виленскому, Ковенскому и Гродненскому генерал-губернаторству. В 1900 г. Константина Николаевича произвели за выслугу лет в коллежские асессоры. В 1901 г. его назначили почетным мировым судьей, в 1903 г. приказом по гражданскому ведомству он стал комиссаром по крестьянским делам Новорадомского уезда Петроковской губернии и тогда же за выслугу лет его произвели в надворные советники. Послужной список К.Н. де-Лазари заканчивается декабрем 1909 г., когда он служил комиссаром по крестьянским делам Новорадомского уезда Петроковской губернии. В Радомской губернии у него было небольшое имение. Потом какое-то время Константин Николаевич жил в Петербурге и, согласно семейным преданиям, был секретарем товарища министра внутренних дел в правительстве А.Ф. Керенского. После революции 1917 г. К.Н. де-Лазари в 1919 г. удалось «на польских бумагах» вернуться в Польшу и поселиться в Лодзи, где в настоящее время живет семья его внука, профессора Анджея, который сам уже стал дедушкой и имеет внука Яцека и дочь Казимиру.

Благодаря любезности внука К.Н. де-Лазари, известного польского русиста и советолога, автора многих публикаций, профессора Лодзинского университета Анджея де Лазари (в написании его фамилии утратился дефис), предоставившего материалы из домашнего архива, удалось узнать историю семьи одного из крупнейших собирателей коллекций МАЭ. Константин Николаевич происходил из старинного итальянского рода, предки которого жили на греческом острове Закинтос. Потомки De Lazzari бережно сохраняют изображение фамильного герба.

Дмитриос де-Лазари (1755–1803), переехав в Россию в 1770 г., поступил на службу к Екатерине II, участвовал в русско-турецкой войне

1768—1774 гг. Его сын, Николай Дмитриевич (1794—1882), вместе с русскими войсками дошел до Парижа в походах против Наполеона. На фотографии из семейного архива Николай Дмитриевич изображен в окружении детей. Один из них, Николай Николаевич де-Лазари (1837—1902), был генералом жандармерии в Радомской губернии. Его потомки, Де-Лазари и семья известных гитаристов Константиновых, в настоящее время живут в Петербурге.

Брат К.Н. де-Лазари генерал-майор Александр Николаевич де-Лазари (1880—1942), был также примечательной личностью. Он автор нескольких книг о применении химического оружия на фронтах Первой мировой войны. А.Н. де-Лазари окончил Тифлисский кадетский корпус, Сибирский кадетский корпус, Константиновское артиллерийское училище, в 1909 г. Академию Генерального штаба, дослужился до звания подполковника Генерального штаба.

После революции 1917 г. военная карьера А.Н. де-Лазари складывалась удачно. Он вступил в Красную армию 23 февраля 1918 г. и сразу стал начальником оперативного отдела штаба Западного фронта, затем начальником штаба и помощником военрука Смоленского района, начальником оперативного управления, начальником штаба Западного военного округа. В 1919 г. А.Н. де-Лазари назначают начальником штаба и помощником командующего Западно-Сибирским военным округом, в 1920 г. — начальником штаба 31-й армии Восточного фронта. В 1921—1922 гг. он был редактором Военно-исторической комиссии Высшего военного редакционного совета. С 1922 по 1932 г. А.Н. де-Лазари занимался преподавательской работой на кафедре военной истории Военной академии РККА, в 1932—1940 гг. — в Военной академии химической защиты. В 1940—1941 гг. он становится профессором Военной академии химической защиты. Арестовали А.Н. де-Лазари 25 июня 1941 г., решением ОСО НКВД СССР 13 февраля 1942 г. он был осужден «как участник антисоветского военного заговора» и затем расстрелян. В 1956 г. А.Н. де-Лазари реабилитировали.

Жена А.Н. де-Лазари тоже была арестована и выслана в Красноярский край, после войны освободилась, умерла в 1949 г. Их дочери жили в Москве, одна из них, Александра Александровна (1904—2004), была замужем за Вадимом Борисовским, известным альтистом из Квартета Бетховена, учителя известного виртуоза Юрия Башмета.

У К.Н. де-Лазари было четыре сестры. Одна из них, Вера (1870—1963), вышла замуж за писателя Лухманова.

Биографические сведения о К.Н. де-Лазари (1869—1930), собирателе МАЭ, содержатся в его «Формулярном списке о службе». Согласно этому документу, по происхождению К.Н. де-Лазари был из потом-

ственных дворян Таврической губернии, православного вероисповедания. Среди фотографий из семейного архива хранятся даже его детские портреты.

В послужном списке К.Н. де-Лазари отмечено, что образование он получил в Елисаветградском Кавалерийском юнкерском училище (в Херсонской губернии, в советские годы — г. Кировоград, Украина). Это были специальные военно-учебные заведения для подготовки офицеров к службе в кавалерии, обучавшихся в них называли юнкерами. Константин Николаевич окончил училище «по первому разряду», к которому относили по успехам в науках.

В 1886 г. он поступил на службу рядовым на правах вольноопределяющегося 1-го разряда в 40-й драгунский Малороссийский полк. В то время драгунами называли конницу, которая действовала и в пешем строю. С 1882 г. все армейские уланские и гусарские полки были переименованы в драгунские.

В 1887 г. К.Н. де-Лазари был произведен в унтер-офицеры, он служил вахмистром Ефрейторского училища, за отличную стрельбу был даже награжден «металлическим знаком». В 1889 г. получил первый обер-офицерский чин в кавалерии — корнета. Затем его командировали в одну из саперных бригад «для обучения саперному делу». В 1891 г. К.Н. де-Лазари, по всей видимости, вышел в отставку, т.к. в «Формулярном списке» указано, что его зачислили в запас армейской кавалерии и исключили из списков полка.

По постановлению Горного департамента К.Н. де-Лазари определили на службу в число его чиновников. В 1892 г. он был назначен младшим чиновником особых поручений, что «соответствовало чину корнета в кавалерии», при Эриванском губернаторе. В 1893 г. его прикомандировали к Кавказскому окружному интендантству и назначили канцелярским чиновником. В этом же году приказом по военному ведомству за выслугу лет он был произведен в коллежские секретари.

В «Формулярном списке» оговаривалось, что служба в должностях чиновника Горного департамента и младшего чиновника особых поручений при Эриванском губернаторе не освобождала от призыва в армию из запаса. Видимо, поэтому в конце апреля 1894 г. приказом Акмолинского военного губернатора Константин Николаевич был назначен помощником Кокчетавского уездного начальника. В 1895 г. в течение полугода он временно исполнял должность уездного начальника, за что ему была объявлена благодарность. В 1896 г. за выслугу лет его произвели в титулярные советники, тогда же К.Н. де-Лазари был награжден орденом св. Станислава 3-й степени.

В конце октября 1896 г. Константина Николаевича назначили в Лепсинск уездным начальником, а 5 декабря он уже прибыл к месту службы. Согласно указу 1896 г., он был пожалован серебряной медалью в память царствования Александра III. (После смерти императора была учреждена памятная серебряная медаль для ношения на груди на Александровской ленте «В память незабвенного Царя-Миротворца». Ее вручали классным чинам всех ведомств, которые находились на службе в царствование Александра III.)

Судьба забрасывала Константина Николаевича в разные уголки Российской империи, где он служил. Но кроме этого он много путешествовал по Италии, Германии, Греции и везде делал снимки. В наши дни наследником семейного архива Константина Николаевича, в том числе старинных фотографий, которые нуждаются в реставрации, является его внук, Анджей де-Лазари. Известный в Лодзи фотограф Павел Херцог взялся за их обработку и реставрацию.

Константин Николаевич был женат и имел дочерей, одна из которых, Александра (1900—1988), была актрисой Александринского театра. Другая дочь, Ия де-Лазари-Павловска (1921—1994), была в Польше известным профессором этики, автором многих трудов. Ее сестру Ирину Константиновну де-Лазари (1919—1992) упоминают русские дети, которых она опекала во время войны в лагере Австрии [Убитое детство 1993: 112]. От польских детей она получила «Орден Улыбки».

Сын Ирины Константиновны, Анджей, доктор гуманитарных наук, профессор Лодзинского университета и университета имени Николая Коперника в Торуне, живет в Польше. Он русист, преподает историю русской мысли и литературы, руководит Междисциплинарным центром советологических исследований. Пан Анджей стал создателем и руководителем единственного балалаечного молодежного оркестра, который недавно отпраздновал 40-летие.

После смерти К.Н. де-Лазари его семья обеднела, пришлось продать фамильные ценности, в том числе его фотоаппарат и часть негативов, которые в настоящее время хранятся в Музее кинематографии города Лодзи.

В конце 2009 г. Анджей де Лазари привез в Астану, в Музей Первого Президента Казахстана, выставку фотоколлекции К.Н. де-Лазари, организованную Посольством Польши в Казахстане. Затем уникальные фотографии конца XIX в. передали в дар музею.

В наши дни коллекции К.Н. де-Лазари в МАЭ являются богатым собранием предметов и фотографий по традиционной культуре казахов Семиреченской области конца XIX в., среди которых хранятся редкие, уникальные экспонаты. В переписке с К.Н. де-Лазари Д.А. Клеменц

подчеркивал, что «все присланное Вами представляет большой научный интерес». К.Н. де-Лазари, несмотря на все старания, не удалось прислать в МАЭ свадебный наряд невесты. «Желательно было бы узнать, во что обойдется полный свадебный костюм киргизки, — спрашивал ученый хранитель музея Д. Клеменц, — включая и парадное седло со сбруей» (семейный архив доктора Анджея де Лазари. Лодзь, Польша). К.Н. де-Лазари сфотографировал казахскую невесту в богатом свадебном наряде, высоком головном уборе саукеле, сидящую верхом на коне, по-праздничному убранном. В настоящее время это единственное изображение казахской невесты верхом. Эти снимки хранятся в МАЭ. Они выполнены высокопрофессионально, технически прекрасного качества, на них отчетливо видны даже мельчайшие детали. Снимки К.Н. де-Лазари казахской невесты теперь хорошо известны этнографам и востоковедам, они вошли в число первых изображений саукеле и фактически являются визитной карточкой МАЭ в публикациях и на выставках по культуре казахов.

Фамилия собирателя коллекций музея Лютче при воспроизведении на слух предполагала разные варианты написания по-русски. На заседании Академии наук 17 декабря 1897 г. академик К.Г. Залеман представлял собранию двадцать восточных рукописей и пять литографий по истории и религии Средней Азии, которые были куплены Азиатским музеем у проезжавшего через Петербург «Я.Я. Лютша», чиновника по дипломатической части при Приамурском генерал-губернаторе в Хабаровске, служившего секретарем консульства в Кашгаре и политическим агентом в Бухаре [Залеман 1898: XVI]. Выплату денег за коллекцию полагалось выписать на имя его сестры Софии Яковлевны Лютш, «имеющей жительство в Измайловском полку, 12 рота, д. № 36. Приют принца Ольденбургского, квартира доктора Стуккей» [Заседание 17 декабря 1897].

В ряде литературных и архивных материалов конца XIX–XX в., а также в современных монографиях встречается имя **Якова Яковлевича Лютше (Лютше, Лютш) (Lütsch)**, статского советника, который, в 1903 г. был русским дипломатическим агентом в Бухарском эмирате. Эта должность предоставляла ему права мирового судьи по отношению к русским подданным в Бухаре. Так объясняли обязанности русского дипломатического агента в Бухаре современники, которые бывали в эмирате по служебным делам, связанным чаще всего с деятельностью министерства иностранных дел или военной разведки. Чуть позже эту должность стали называть иначе — русский политический агент.

Бухарский эмир долго пытался не допустить усиления русского контроля над Бухарой и ограничения своих прав. Русско-бухарские пе-

реговоры по этому поводу продолжались пять месяцев. Должность полицейского чиновника была учреждена в Бухаре в 1908 г. В марте 1911 г. уже функционировало русское полицейское управление со штатом в двенадцать человек. Затем политический розыск был организован в пределах всего Бухарского эмирата (см.: [Никольский 1903: 43; Тухтаметов 1977: 45–46]).

Во время пребывания в Петербурге в ноябре 1906 г. последнего бухарского эмира Алим-хана среди назначенных лиц, состоявших при высоком госте, был и русский политический агент в Бухаре Я.Я. Лютш, специально для этого прибывший в столицу. Отсюда он отправился в Москву для встречи эмира и затем сопровождал его в Петербург.

Эти сведения позволяют считать, что коллекция фотографий поступила в МАЭ не от случайного собирателя по фамилии «Лютч», как указано в музейных документах, а от Я.Я. Лючше (Лютш), знавшего местную жизнь не понаслышке и прожившего в Средней Азии годы.

Я.Я. Лютш, видный русский востоковед, был выпускником факультета восточных языков Петербургского университета. Он принадлежал к числу крупнейших собирателей восточных рукописей. В архиве Института востоковедения РАН (Санкт-Петербург) хранится наиболее обширное ценнейшее собрание письменных памятников по истории, литературе и языкам Восточного Туркестана, полученные от Я.Я. Лютша.

В 1899–1901 гг. с МАЭ сотрудничал и фотограф **Николай Александрович Ермолин**, который присылал из г. Бийска Томской области для музея коллекции по казахам Алтая [Прищепова 2000: 38–39].

Собиратель коллекций музея **Николай Николаевич Щербина-Крамаренко** (1863–1913) по образованию был архитектором. Например, он принимал участие в постройке вокзалов в Петербурге и Царском Селе. В архиве сохранилось его метрическое свидетельство, выданное Кишиневской духовной консисторией. О его родителях в нем сказано, что отец был «колонистом колонии Новотроян Аккерманского уезда» (РГИА. Ф. 768. Оп. 2. № 646. Л. 30). Среди документов Н.Н. Щербина-Крамаренко попутный интерес представляет «Свидетельство о явке к исполнению воинской повинности», выданное ему в 1884 г.³

³ За сухими выдержками из «Устава о воинской повинности» тех лет содержатся любопытные сведения исторического характера. Оказывается, что годных к службе в то время определяли на глаз, по внешнему виду. Главным была способность человека носить оружие. Н.Н. Щербина-Крамаренко был зачислен в народное ополчение ратником. Согласно законам тех лет, зачисленные в народное ополчение состояли на учете до сорока лет. Ополчение созывали лишь в условиях военного времени. Годных к службе регистрировали, а затем

С 1885 г. Н.Н. Щербина-Крамаренко учился в Академии художеств в Петербурге. В 1889 г. после окончания курса наук он получил медаль. В 1892 г. ему присвоили звание классного художника 2-й степени. Среди архивных материалов хранится диплом Академии художеств, выданный Н.Н. Щербина-Крамаренко в 1893 г., о присвоении ему за отличные познания в архитектуре звания классного художника 1-й степени.

С 1894 г. Н.Н. Щербина-Крамаренко пытался определиться на работу в ныне забытое Императорское Человеколюбивое общество. «Желая принести посильную пользу этому обществу, прошу зачислить меня архитектором этого общества», — писал он в заявлении на имя главного попечителя Общества сенатора А.Н. Марковича (РГИА. Ф. 768. Оп. 2. № 646. Л. 30)⁴.

Тогда же Н.Н. Щербина-Крамаренко написал прошение о назначении его на должность постоянного архитектора по заведованию недвижимым имуществом Общества с ежемесячным содержанием. Одновременно он уволился со службы подведомственного обществу Ивановского училища.

В 1894 г. за проявленное участие в благотворительной деятельности общества безвозмездными трудами Н.Н. Щербина-Крамаренко утвердили в звании члена благотворительного Санкт-Петербургского Попечительского комитета о бедных. Его назначили на должность местного техника при домах общества по улице Садовой, 60 и 66 и по дому призрения бедных женщин, принадлежавшему графу Кушелево-Безбородко, где архитектор руководил работами по ремонту зданий. Н.Н. Щербина-Крамаренко занимался и восстановлением после пожа-

они проходили жеребьевку. «Поселянина Николая Николаева Крамаренко» зачислили в ратники ополчения, и после жеребьевки ему присвоили определенный номер и выдали «Свидетельство о явке к исполнению воинской повинности». Этот документ был предшественником современного военного билета, и его необходимо было предъявлять при поступлении на государственную службу или вступлении в брак. На обороте «Свидетельства» были помещены выдержки из «Устава», и среди них был пункт о том, как в то время решался вопрос, например, дефицита армейской одежды. Призванный на действительную службу в постоянную армию ратник мог принести с собой пару сапог и две смены нового белья. Эти вещи зачисляли в казну, а ему выплачивали их стоимость.

⁴ При решении вопроса о трудоустройстве предварительно обычно запрашивали канцелярию градоначальника о благонадежности гражданина. Архитектор Н.Н. Щербина-Крамаренко, проживавший по Невскому проспекту в доме 14 и служивший в то время в Воспитательном доме, получил положительную характеристику, и его зачислили в штат сотрудников Человеколюбивого общества.

ра зданий бани и прачечной на так называемой «Уткиной даче» на реке Оккервиль, также принадлежавших обществу.

Плодотворную благотворительную деятельность Н.Н. Щербина-Крамаренко прервал в 1895 г., когда попросил отпуск «ввиду постановления общего собрания Академии художеств командировать (его. — *В.П.*) в среднеазиатскую Россию для изучения древних памятников архитектуры». В 1896—1899 гг. архитектор Н.Н. Щербина-Крамаренко принимал участие в выполнении живописных изображений с мечетей Самарканда и Мерва по поручению профессора Н.И. Веселовского. В 1896 г. он опубликовал в местном издании путевые впечатления [Щербина-Крамаренко 1986].

После окончания командировки, вернувшись в Петербург, Н.Н. Щербина-Крамаренко выразил готовность «продолжить безвозмездно труды по технической части Общества». Жил он в ту пору на 1-й линии Васильевского острова в доме 46. Архитектора вновь назначили техником при домах общества по Садовой улице.

В 1902 г. Н.Н. Щербина-Крамаренко пожелал определиться на государственную службу по ведомству того же общества. Два года архитектор трудился при благотворительных заведениях общества, которые находились на Петроградской стороне, в домах по улице Большой Зелениной. Он был холостяком и жил в одной из квартир этих же домов.

На этом благополучная часть биографии Н.Н. Щербина-Крамаренко, к сожалению, заканчивается. К его начальству начали поступать жалобы от заведующего одного из домов о неуплате архитектором ежемесячной квартплаты. К 1906 г. у него образовался большой долг, который удерживали из жалования. Одновременно поступали рапорты от подчиненных Н.Н. Щербина-Крамаренко, «водопроводных дел мастеров», маляров, печников, слесарей, что они «терпят от него притеснения». Архитектор задерживал, иногда по полгода, и произвольно урезал счета тем, кто отказывался войти с ним в сделку и выплачивать ему проценты с каждого счета.

Деятельность Н.Н. Щербина-Крамаренко в Попечительском комитете о бедных императорского Человеколюбивого общества, таким образом, закончилась. К сожалению, проследить его дальнейшую жизнь пока не удалось. Не у всех собирателей коллекций МАЭ судьба сложилась гладко и благополучно. Но в настоящее время имя Н.Н. Щербина-Крамаренко находится среди тех, кто своим трудом и талантом собирателя умножил собрания музея.

Две фотоколлекции поступили в МАЭ от студента-медика **Евгения Никоноровича Павловского** (1884—1965). Будущий академик, директор

Зоологического института АН СССР, основатель российской научной школы в паразитологии, лауреат многих советских высших научных наград, Е.Н. Павловский окончил Военно-медицинскую академию в Петербурге [Резван 2006: 167–168]. В молодости ему довелось много ездить, в том числе побывать в Средней Азии, откуда он привез фотоматериалы и передал их в МАЭ. В 1940-е годы во время войны Е.Н. Павловский возглавлял Таджикский филиал АН СССР.

Основоположником научного этнографического фотографирования в России считается известный коллекционер, библиофил, художник, график, археолог, этнограф и фотограф **Самуил Мартынович Дудин-Марцинкевич** (1863–1929). К его наследию обращаются исследователи разных специальностей: археологи, историки, этнографы, архитекторы, специалисты по культуре народов Средней Азии, Казахстана, Дальнего Востока, Европы.

С.М. Дудин принимал деятельное участие в делах Русского Комитета по изучению Средней и Восточной Азии, Радловского кружка, сотрудничал с ведущими специалистами того времени в области археологии и этнографии. В многочисленных и длительных командировках и экспедициях С.М. Дудин был ближайшим помощником академиков В.В. Радлова, С.Ф. Ольденбурга, В.В. Бартольда, профессоров Н.И. Веселовского, Л.Я. Штернберга и др.

Имя С.М. Дудина стоит в числе первых собирателей материалов по мусульманским народам. Собранные им коллекции легли в основу научных фондов Эрмитажа, Российского этнографического музея, музея Академии художеств, Музея истории Узбекистана и ряда историко-художественных музеев. С 1890-х годов С.М. Дудина связывала творческая дружба и научное сотрудничество с директором МАЭ академиком В.В. Радловым. Многие годы С.М. Дудин работал в МАЭ ученым хранителем отдела древностей Восточного и Западного Туркестана. В музее хранятся собранные им вещевые и фотографические коллекции по традиционной культуре народов Средней Азии и Казахстана.

С.М. Дудин был старейшим сотрудником МАЭ. Фактически начало его сотрудничества с музеем относится к 1891 г. Он принимал участие в работе Археологической комиссии, Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях, выставлял свои произведения на художественных выставках. С 1911 г. С.М. Дудин занимал должность заведующего фотомастерской МАЭ. Одновременно с 1914 г. он работал ученым хранителем отдела древностей Восточного и Западного Туркестана, возглавлял отдел изображений, муляжно-модельную

мастерскую, в течение двадцати лет безвозмездно исполнял обязанности секретаря совета музея и Радловского кружка при МАЭ с момента его основания, с 1918 г.

В местечке Ровном Елисаветградского уезда Херсонской губернии в семье Мартына Тихоновича Дудина и его жены Ольги Дементьевны 19 августа 1863 г. родился сын Самойло — будущий художник и исследователь (РГИА. Ф. 789. Оп. 11. д. 164. Л. 5). Отец С.М. Дудина был отставным квартирмейстером Казанского драгунского полка. Выйдя в отставку, он поселился в местечке Селенастом Елисаветградского уезда и стал сельским учителем.

С детства С.М. Дудин любил рисовать. Сначала мелом, везде, затем более осмысленно, например эпизоды военной жизни, рассказанные отцом. По окончании школы он поступил в Елисаветградское земское реальное училище. До четвертого класса С.М. Дудин был земским стипендиатом, а потом учился за счет родителей. Но училище он не окончил. Во время учебы в последнем, седьмом, классе реального училища С.М. Дудин был арестован за народовольческую деятельность. Сначала он сидел в Елисаветградской тюрьме, затем в Московской центральной. В 1887 г. без суда в административном порядке С.М. Дудин был сослан в Восточную Сибирь. Сначала в Верхнеудинск, а потом в Кяхту-Троицкосавск Забайкальской области. В ссылке С.М. Дудин пробыл пять лет.

По воспоминаниям Э.К. Пекарского, группа украинской «громады», в которой состоял С.М. Дудин, поддерживала связь с народовольцами Киева и Харькова, устраивала чтение нелегальной литературы, занималась пропагандой среди рабочих, устраивала политические вечера. С.М. Дудин в этом кружке занимался переводами писателей-народников на украинский язык, изучал создание взрывчатых веществ. Пригодились и его художественные способности, он вырезал из дерева печати [Пекарский 1930: 344–348]. С тех пор С.М. Дудин к революционной деятельности не возвращался.

В Забайкалье С.М. Дудин при содействии Главной физической обсерватории устроил метеостанцию и вел наблюдения, собирал геологические коллекции, русский фольклор, делал этнографические зарисовки у бурят. Весь этот материал он передал в Музей Восточно-Сибирского отдела Географического общества.

В ссылке С.М. Дудин познакомился с семьей известного исследователя Центральной Азии Г.Н. Потанина, с которым работал в качестве художника — делал рисунки и наброски из бурятской жизни. Ученый помог С.М. Дудину переехать в 1890 г. в г. Троицкосавск, где он пробыл до 1892 г., и там поступить на работу в фотостудию также ссылкой

Н.А. Чарушина. Портреты старообрядцев и пейзажи они передали в МАЭ и тем дополнили коллекции музея по русскому населению Забайкалья [Станюкович 1972: 17; Лаврентьева 2009: 41]. На одном из заседаний Историко-филологического отделения Академии наук 1897 г. зачитывалось письмо художника С.М. Дудина, в котором он сообщал, что просит принять в дар МАЭ фотографии, собранные им во время пребывания в Троицкосавске. В коллекцию вошли снимки местностей Забайкалья, Восточной Сибири, типов населения, предметов обихода бурят, а также монголов, монгольских монастырей [Заседание 8 октября 1897].

Т.В. Станюкович, характеризуя разного рода категории собирателей коллекций музея, отмечала: «Сотрудники МАЭ охотно инструктировали лиц, интересующихся этнографией, а таких было немало, особенно из числа политических ссыльных и сельской интеллигенции <...> В числе политических ссыльных, связавших свою судьбу с МАЭ и впоследствии ставших сотрудниками музея, можно назвать фотографа музея С.М. Дудина» [Станюкович 1972: 17].

С этого времени началось увлечение С.М. Дудина фотографией, сделавшее его впоследствии известным профессионалом в этой области.

Сотрудничество С.М. Дудина с МАЭ продолжилось в Кяхте, где он в 1891 г. познакомился с директором МАЭ академиком В.В. Радловым, возглавлявшим Орхонскую экспедицию. В.В. Радлов привлек С.М. Дудина к работе в качестве рисовальщика-фотографа. Целью этой экспедиции, организованной Академией наук, было исследование бассейна реки Орхон, древнего города Каракорума и его окрестностей с памятниками VII в. Задачей участников экспедиции было составление карты исследуемых местностей и подробных планов отдельных развалин и кладбищ и проведение раскопок. На С.М. Дудина было возложено выполнение рисунков и фотографий древних памятников, изготовление точных снимков всех надписей. В 1892 г. С.М. Дудин подготовил альбом рисунков монгольских древностей, изданный в «Трудах Орхонской экспедиции».

Еще летом 1891 г., во время работы экспедиции, В.В. Радлов начал хлопотать, чтобы С.М. Дудина приняли учиться в Академию художеств. Сохранилось письмо В.В. Радлова, отправленное им в Академию художеств, с просьбой о зачислении С.М. Дудина студентом (РГИА. Ф. 789. Оп. 11 — до 1891 г. Ед. хр. 164. Л. 1 об.). По ходатайству Г.Н. Потанина С.М. Дудин был амнистирован и осенью 1891 г. вместе с членами экспедиции приехал в Петербург.

В 1893 г., как было отмечено выше, С.М. Дудин вместе с В.В. Бартольдом совершил поездку в Среднюю Азию.

Летом 1894 г. он предпринял по заданию В.В. Радлова экспедицию на Украину для сбора этнографических материалов (АРАН. Ф. 177. Оп. 2. Ед. хр. 102). В это время будущий художник уже учился в Академии художеств, в которой поощрялись экспедиционные поездки студентов во время каникул. Студенты писали этюды и одновременно выполняли поручения музея.

По письмам С.М. Дудина к В.В. Радлову можно составить представление о том, как складывались исследовательские методы будущего известного собирателя. Письмо от 10 августа 1894 г. из Прилук содержит своего рода отчет о полевой работе в Малороссии: «Мной закуплены уже на ярмарках и по селам костюмы и вещи домашнего обихода. В настоящее время я только пополняю их недостающими образцами, исполняю кой-какие рисунки по наброскам <...> да печатаю снятые фотографии. Вещи начну высылать на днях. Пока мной (не вполне, конечно) представлены часть Полтавской и Херсонской губерний. Весь сентябрь я посвящаю Киевской и Херсонской губерниям. Харьковскую же оставляю <...> т.к. на нее у меня не хватит ни времени, ни денег» (АРАН. Ф. 177. Оп. 2. Ед. хр. 102. Л. 1).

По поводу возможности приобретения для музея старинных предметов домашнего обихода С.М. Дудин сообщал, что это стоило очень больших средств: «Но как бы там ни было, я представляю все, что только возможно было достать на те средства, какие мне даны были Академией, т.е. типичнейшие и важнейшие костюмы мужские и женские, вещи домашнего обихода, т.е. утварь, украшения, рисунки вещей» (АРАН. Ф. 177. Оп. 2. Ед. хр. 102. Л. 2).

Существовали и бытовые сложности, о которых сообщал С.М. Дудин: «Съемка типов и костюмов здесь также сопряжена с большой тратой времени и не всегда удается. Надо ждать праздничных дней, когда народ свободен, в будни же о съемках нечего и думать» (АРАН. Ф. 177. Оп. 2. Ед. хр. 102. Л. 1 об.). Во время командировок для сбора коллекций основное время уделялось приобретению этнографических материалов для музея, их регистрации и затем, «когда буду более свободен», выполнялись фотоработы (АРЭМ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 245. Л. 32 об.). В результате экспедиционной поездки С.М. Дудина в 1894 г. по Киевской, Полтавской и Херсонской губерниям в музей поступили вещевые коллекции и иллюстративные материалы по культуре украинцев (колл. 270, 5327, 1402).

Собирательская и исследовательская работа С.М. Дудина тесно переплеталась с его занятиями художественным творчеством.

Архивные материалы показали, что С.М. Дудин, выдержав экзамены, поступил в Академию художеств. После реформирования Академии

художеств в 1893 г. ее главным центром стала мастерская И.Е. Репина. Учениками известного художника были Ф.А. Малявин, А.П. Остроумова-Лебедева, Б.М. Кустодиев, Н.И. Фешин, И.И. Бродский, К.А. Корвин. В 1897 г. С.М. Дудин окончил курс Академии художеств по классу И.Е. Репина. В.В. Радлов восторгался поступком Самуила Мартыновича, когда он, уже имея возможность закончить свое обучение и получить диплом, добровольно решил остаться в классе И.Е. Репина еще на год. Высокого мнения об успехах С.М. Дудина был и его учитель. В выданных документах было указано, что «бывший ученик Высшего Художественного училища при Академии Художеств Самуил Дудин за отличные познания в живописи и научных предметах <...> во время пребывания в отделении живописи и скульптуры училища удостоен звания художника» (РГИА. Ф. 789. Оп. 11 — до 1891 г. № 164. Л. 347).

В фондах Научно-исследовательского музея Академии художеств хранятся учебные и программные (дипломные) работы воспитанников Академии. Долгое время в составе коллекций музея находилась дипломная работа С.М. Дудин — картина «В храме Таниты». Среди описаний композиций картин, принадлежавших этому музею, содержатся сведения и о дипломной работе С.М. Дудина [Императорская Академия художеств 1915: 79.]. Полотно хранилось в отделе живописи, а затем было выдано без указания даты и места. Установить его дальнейшую судьбу не удалось.

В числе картин, находившихся в музее Академии художеств и переданных затем в другие музеи, была работа С.М. Дудина «Перед купанием». Согласно сохранившимся документам, она была передана в Елисаветградский художественный музей при Обществе распространения грамотности и ремесел в 1914 г. В случае если картина уцелела во время Гражданской войны, она могла попасть во Дворец науки и искусства, а после создания в 1929 г. Краеведческого музея с картинной галереей — в ее коллекцию. В период оккупации во время Великой Отечественной войны картинная галерея была полностью разграблена. Возможно, в это время была утрачена и картина С.М. Дудина «Перед купанием».

В январе 1898 г. С.М. Дудина направили «пенсионером Академии художеств» на стажировку за границу сроком на один год. Большую часть командировки он провел во Франции. В письме из Парижа И.Е. Репину звучит его неудовлетворенность поездкой. С.М. Дудину не удалось закончить картину или хороший этюд. Он несколько раз принимался за работу и уничтожал начатое. Не помогла и поездка в Бретань, отдых у моря (РГИА. Ф. 789. Оп. 11 — до 1891 г. № 164. Л. 29—29 об.).

Но, по мнению самого С.М. Дудина, поездка не пропала для него даром. Он посетил художественные музеи Берлина, Дрездена, Мюнхена, Вены, Парижа (АРАН. Ф. 177. Оп. 2. Ед. хр. 102. Л. 7—8 об.). Впечатлениями об этом он делился в письмах к И.Е. Репину. Основное внимание С.М. Дудина привлекали новейшие направления в живописи. Он старался осмотреть частные выставки, где чаще всего можно было встретить работы современных мастеров. Однако они разочаровали художника, и он сообщал о том, что с удовольствием побывал на русской выставке, организованной С. Дягилевым (Там же. Л. 26—27, 30—30 об.).

В письмах С.М. Дудин делился с И.Е. Репиным своими дальнейшими планами: подробнее познакомиться с Лувром, побывать в Италии. Вместе с тем чувство одиночества на чужбине не покидало Самуила Мартыновича. «Работать за границей не лучше, чем в России, — писал он, — а для знакомства с художественными ценностями Парижа достаточно и двух месяцев, а потом поехал бы на Восток, куда меня всегда тянуло. Писал бы там этюды и, почем знать, может быть, овладел бы настроением восточного пейзажа и типов и тогда мои упражнения из исчезнувшей жизни Востока не были бы натюрмортами по Перро» (АРАН. Ф. 177. Оп. 2. Ед. хр. 102. Л. 32—33).

Этой же идеей создания картин по восточным мотивам проникнуты и письма к В.В. Радлову, написанные С.М. Дудиным в это же время: «Начал небольшую картину из трех женских фигур. Она должна будет представлять уголок комнаты на женской половине финикийского дома. Две женщины слушают песню невольницы» (АРАН. Ф. 177. Оп. 2. Ед. хр. 102. Л. 5 об.).

Этот замысел заставил С.М. Дудина обратиться к В.В. Радлову с просьбой порекомендовать ему специалистов по Древнему Востоку в Париже, а также литературу по истории культуры Ассирии и Финикии: «Тех ничтожных знаний, какими владею я, слишком мало, а коллекции Лувра во многом для меня все-таки немые, для того чтобы писать что-нибудь солидное» (АРАН. Ф. 177. Оп. 2. Ед. хр. 102. Л. 6 об.).

Возможно, в это время у художника складывался замысел картины «Из жизни старого Востока», которая хранилась в музее Академии художеств, а в 1918 г. ее передали в Нижегородский художественный музей. Этот музей был создан в 1896 г. и к 1909 г. состоял из трех отделов: исторического, в котором хранилось, главным образом, оружие; нумизматического и церковного, являвшимся главным. Центральными экспонатами этого отдела были картины на библейские темы. Можно предположить, что работа С.М. Дудина «Из жизни старого Востока» также была написана на библейский сюжет или близкий ему и потому тематически соответствовала требованиям Нижегородского музея. Из

письма, полученного в ответ на наш запрос о судьбе этого полотна С.М. Дудина, следует, что в настоящее время картина «Из жизни старого Востока» в Нижегородском государственном художественном музее отсутствует.

По воспоминаниям Т.В. Станюкович, другие живописные работы С.М. Дудина существовали, например, в виде панно, которые оживляли экспозицию МАЭ в 1920-е годы, в том числе, например, была его картина «Перекочевка киргиз». К сожалению, эти художественные работы С.М. Дудина также бесследно исчезли.

Несмотря на то что за границу С.М. Дудин поехал как художник, предметом его интереса была постановка музейного дела, оформление экспозиций. Переезжая из одного города в другой, С.М. Дудин посещал музеи, и свои впечатления, предложения об организации музейных выставок в России он высказывал в письмах В.В. Радлову. Так, по пути в Париж он останавливался в Вене и Мюнхене, где посетил ряд музеев и художественных выставок: «Я успел побывать в Амстердаме. Посмотрел тамошний музей и выставку Рембрандта и видел очень недурную выставку национальных костюмов Голландии и ее колоний <...> в немногих залах с пустыми стенами она производила несколько неприятное впечатление чего-то казенного и скупого, но она с избытком искупалась тем интересом, какой она вызвала, костюмы собраны превосходно, а манекены, на которые они надеты, в большей части случаев прекрасно исполнены. Я думал, глядя на них, что хорошо бы костюмы Вашего музея выставить подобным же образом, какую массу публики привлек бы тогда музей!» (АРАН. Ф. 177. Оп. 2. Ед. хр. 102. Л. 5–5 об.). Позже, в 1907 г., когда художник уже работал в МАЭ, он был специально командирован за границу для работы в этнографических музеях (ЦГИА. Ф. 733. Оп. 145. Ед. хр. 124).

После окончания Академии художеств С.М. Дудин, освоив фотодело, стал известным фотографом, написал специальные статьи, посвященные методике этнографической фотографии, роли фотографии в этнографической работе, которые сохранили свою актуальность и сегодня [Дудин 1921; 1924].

На протяжении всей своей экспедиционной жизни он много работал в Самарканде. Историко-архитектурную экспедицию, которая работала под руководством востоковеда профессора Н.И. Веселовского, финансировала Археологическая комиссия. Экспедиция должна была составлять описания и фиксировать памятники Самарканда.

Во время поездки 1905–1907 гг. С.М. Дудин отснял более 1600 фрагментов декоративного убранства (изразцы и мозаики) всех архитектурных памятников эпохи Тимура и тимуридов.

В 1908 г. состоялась совместная экспедиция С.М. Дудина со знатком истории архитектуры К.К. Романовым. Месяцы пребывания в Самарканде были насыщены работой: «В ожидании постройки лестниц и других плотницких работ занят съемкой общих видов фасадов, осмотров мечетей, подлежащих фотосъемке», — писал С.М. Дудин Л.Я. Штернбергу (ЦГИА. Ф. 148. Оп. 1. Ед. хр. 50. Л. 33).

Наконец запланированная работа была выполнена: «Закончено фотографирование ряда памятников: Ак-сарай, Рухабад, Намазга, Чупон-Ата, Чиль докторон, медресе Тиля-Кари, медресе Мирза-Улугбек, Шир-дор, — писал С.М. Дудин из Самарканда. — Исполнение последних снимков для Шир-дор и Мирза-Улугбек связано с уборкой лавок и лавочек, которыми застроен в настоящее время Регистон. После этого я тотчас же перевожу леса за город и приступаю к съемке загородных мечетей. Время, которое таким образом осталось у меня и моего товарища, время до конца сентября, будет употреблено на приготовление акварелей» (ЦГИА. Ф. 148. Оп. 1. Ед. хр. 51. Л. 101). Результатом работы в экспедиции стали акварельные рисунки и фотографии старых архитектурных памятников Средней Азии.

К сожалению, акварели С.М. Дудина этого периода не обнаружены. Но об одной его живописной работе тех лет осталось свидетельство корреспондента газеты «Русский Туркестан»: «Показывая нам свои этюды, С.М. Дудин обратил наше внимание на один из них, изображающий портик Шах-Зинда, с его свежими, чудными, будто сейчас сделанными майоликами» [Русский Туркестан. 1900. 11 сентября]. В настоящее время в Научно-исследовательском музее Академии художеств хранится другой этюд С.М. Дудина, выполненный маслом, «Шах-Зинде. Группа мавзолеев» (МАХ. Ж-2249).

В этот же период С.М. Дудин принес в дар Самаркандскому музею «один из роскошных своих, писанных масляной краской этюдов — “дериш”. Последний написан во весь рост на полотне размером 3×1,5 аршина и представляет живое олицетворение одного из многих в Самарканде печальных рыцарей духовного ордена накшбанди», — сообщала местная газета, с интересом наблюдая за работой известного исследователя [Русский Туркестан. 1900. 11 сентября].

Выставка фотоснимков 1906 г. в залах Академии наук возобновила спорный вопрос об охране и проектах реставрации самаркандских памятников. С.М. Дудин предлагал собрать и вывезти в Петербург декоративные украшения, отпавшие со стен зданий, а также и те, которым угрожала та же участь. Наблюдая на протяжении ряда лет разрушение и расхищение выдающихся памятников старины, особенно последствия землетрясений 1897 и 1907 гг., С.М. Дудин писал В.В. Радлову о том, что

их состояние с каждым годом ухудшается: «Нужно же решить, что делать, а не ждать у моря погоды. Ведь поступая таким образом, можно кончить тем, что Археологическая комиссия сможет издать только Тамерлановский мавзолей и Шах-Зинде. А от остального у нас останутся только груды мусора» (АРАН. Ф. 177. Оп. 1. Ед. хр. 102. Л. 4–4 об.).

С.М. Дудин встретил много противников своей точки зрения, но в течение длительного времени отстаивал ее. Его единомышленником в решении данной проблемы был В.В. Радлов, с которым С.М. Дудин делился планами реставрации, реконструкции самаркандских памятников. С.М. Дудин горячо боролся за их сохранение, несколько увеличивая значение фотографической регистрации в деле изучения и охраны памятников архитектуры.

Летом 1908 г. Археологическая комиссия выдала открытый лист «вследствие личного ходатайства академика В.В. Радлова <...> на право составления художником С.М. Дудиным коллекции изразцов <...> под неременным условием представления таковых полностью в Русский Комитет <...> и в Русский музей» (АРАН. Ф. 148. Оп. 1. Ед. хр. 51. Л. 7).

Но подобные действия встретили решительное сопротивление со стороны местной администрации и научной общественности Русского Туркестана. Они стремились создать свой музей, хранить и изучать на месте научный материал (АРАН. Ф. 148. Оп. 1. Ед. хр. 51. Л. 96). Об этом С.М. Дудин срочно телеграфировал в Петербург: «Собрание мозаик не разрешают» (Там же. Л. 89). В письме он объяснил ситуацию подробнее: «При встрече с Вяткиным (известным археологом. — В.П.) я узнал, что местный комитет по охране памятников с губернатором во главе не разрешают увезти в Петербург обвалившиеся во время землетрясения изразцы и мозаики ни с одной из мечетей» (Там же. Л. 91). «Настаивая на мысли собрания мозаик и изразцов <...> я имел в виду сосредоточить здесь весь декоративный материал старинных сооружений Туркестана» (Там же. Л. 96). Такая позиция С.М. Дудина была ошибочной.

Работая в Самарканде, С.М. Дудин заботился и о пополнении этнографических коллекций МАЭ, о чем он сообщал его директору: «Для музея я купил несколько экземпляров росписи посуды и кое-какие мелочи» (АРАН. Ф. 148. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 39 об.); «у местных торговцев черепками и т.п. я подобрал очень хорошую коллекцию. В нее вошли черепки и посуда, не имеющиеся в собрании Вашего музея» (Там же. Л. 103). К письму С.М. Дудин приложил кальки с листов персидских книг, имея в виду возможность их приобретения для Азиатского музея (АРАН. Ф. 177. Оп. 2. Ед. хр. 102. Л. 9).

В результате этих поездок С.М. Дудин обогатил МАЭ рядом предметных коллекций по материальной и духовной культуре населения Са-

марканда и Бухарской области, в том числе принадлежностями охоты с ловчими птицами и другими предметами, а также собранием превосходных снимков. Теоретическим итогом изучения С.М. Дудиным самаркандских памятников стала его статья «Орнамент и современное состояние самаркандских мечетей», которая содержала характеристику и технические замечания по выделке керамических изразцов, основанные на литературных источниках и личном опыте автора [Дудин 1903]. Некоторые наблюдения С.М. Дудина, касавшиеся сохранения памятников архитектуры, представляли интерес для своего времени, но сейчас утратили свою актуальность.

В 1909, 1914–1915 гг. с участием С.М. Дудина состоялись экспедиции в Восточный Туркестан, возглавляемые С.Ф. Ольденбургом.

Много лет С.М. Дудин сотрудничал с Этнографическим отделом Русского музея, особенно в первые годы его существования, создавая его коллекционные фонды (ныне — РЭМ). По заданию Русского музея он совершил в течение ряда лет поездки во многие города и области Туркестанского края и собрал множество весьма ценных этнографических вещей: старинную одежду, оружие, ковры, посуду и другие предметы домашнего обихода. Он также приобрел разнообразную и богатую в художественном отношении коллекцию орнаментов из алебаstra. С.М. Дудин стал для этого музея первым собирателем этнографических фондов по народам Средней Азии. С 1900 по 1909 г. он почти ежегодно выезжал в Туркестанский край. В 1900–1902 гг. С.М. Дудин совершил три поездки по Русскому Туркестану и Западной части Китайского Туркестана, где собрал большие этнографические и археологические коллекции, отснял негативы. Так называемые «дудинские» коллекции в фондах РЭМ содержат свыше 4000 экспонатов (почти половина среднеазиатских фондов). В их состав входят 35 коллекций по узбекам, таджикам, сартам, туркменам, киргизам [Русайкина 1961], кроме того, 15 фотоколлекций (свыше 1500 снимков) [Морозова 1973].

В 1920–1921 гг. С.М. Дудина приглашали в качестве эксперта по учету государственных ценностей в Государственную экспертную комиссию как специалиста в области коврового дела, керамики и других отраслей художественных ремесел. Такие организации, как Внешторг и Госторг, приглашали его для консультаций при отборе и оценке больших партий ковров для экспорта. Эрмитаж, Русский музей, Государственный музейный фонд и другие учреждения приглашали С.М. Дудина в качестве консультанта по вопросам прикладного искусства. В ГАИМК (Государственная академия истории материальной культуры, позже — Институт археологии, ныне Институт истории материальной культуры РАН) С.М. Дудин был оформлен как штатный «ученый сотрудник».

Все годы С.М. Дудин сохранял тесный контакт с Академией художеств и ее выпускниками. Его избирали в состав жюри Весенней выставки Академии. Он являлся председателем Общества взаимного вспомоществования русских художников. Как знаток книги, он создал в обществе библиотеку, выполнял в ней обязанности заведующего и пополнял ее. Библиотека насчитывала более 2500 томов и около 500 журналов. В ней были собраны фотографии, газетные вырезки, а также 475 картин (РГИА. Ф. 791. Оп. 1. Ед. хр. 3. Л. 1–192).

С.М. Дудин усердно занимался пропагандой истории искусства, выступал на заседаниях общества. В своих докладах он знакомил слушателей с новинками книжного рынка по искусству. Некоторые из его докладов были опубликованы в периодических изданиях.

Скончался С.М. Дудин в Саблино, под Ленинградом, на университетской станции, где руководил летними практическими работами студентов, в 1929 г. от паралича сердца. Его друзья и коллеги-художники высоко оценили вклад Самуила Мартыновича в развитие отечественной науки и культуры. В 1930 г. в стенах Общества им. А.И. Куинджи была устроена посмертная выставка работ С.М. Дудина.

Начало собирательской деятельности **Клавдия Васильевича Щенникова**, «прикомандированного к МАЭ», как его называли в музейных документах, относится к первым годам XX в. Он много сделал для обогащения фондов музея предметами материальной культуры казахов, для изучения народного орнамента. К сожалению, обнаружить материалы, раскрывающие биографию этого собирателя, не удалось.

Собиратель иллюстративных коллекций по туркменам острова Челекен **Иван Николаевич Глушков** сопровождал свои дары музею рукописью, из одного замечания которой следовало, что он был горным инженером: это подпись — «Управление Горным округом. Г. Баку» (колл. 1288). Около трех лет собиратель провел на острове Челекен, на восточном берегу Каспийского моря южнее Красноводска. По роду своей деятельности, связанной с геологическим обследованием этого «самого большого острова на Каспийском море», богатого парафиновой нефтью, озокеритом и солью, И.Н. Глушкову приходилось много разъезжать. Внимание русского инженера привлекла культура местного туркменского населения и особенно необычайно массивные серебряные украшения, которые в большом количестве носили женщины. На открытках коллекции, присланной им в 1908 г. в музей, обозначено, что он был и совладельцем издательства — «Изд. Глушкова и Полянина».

В умножении фондов МАЭ принимал участие также известный востоковед-тюрколог, будущий академик и директор Института восто-

коведения АН СССР **Александр Николаевич Самойлович** (1880—1938). Он родился в Нижнем Новгороде в семье директора классической гимназии, окончил Нижегородский дворянский институт, затем факультет восточных языков Петербургского университета. Молодому выпускнику предложили остаться на кафедре турецко-татарской словесности для подготовки к преподавательской деятельности [Ашнин 1978: 8].

Александр Николаевич Самойлович [Тюркологический сборник 1978]

Работая приват-доцентом в университете, А.Н. Самойлович продолжал свою исследовательскую работу, сотрудничал с рядом научных учреждений, в том числе и с МАЭ. Его приглашали в музей как консультанта-востоковеда для изучения этнографических коллекций. А.Н. Самойлович также бывал непрямым участником Радловского кружка, который действовал при музее. С 1910 по 1915 г. А.Н. Самойлович состоял секретарем отделения этнографии Русского географического общества, одновременно принимая участие совместно с В.И. Ламанским в редактировании журнала «Живая старина», а также являлся одним из наиболее активных авторов многочисленных публикаций и рецензий⁵.

⁵ Материалы А.Н. Самойловича, подписываемые им часто «А. Сам-ч», публиковались практически во всех выпусках «Живой старины», особенно в 1907 г.

А.Н. Самойлович, будучи лингвистом-востоковедом, уделял немало внимания этнографическому изучению туркмен. При неоднократных посещениях Средней Азии он собрал и прокомментировал отрывки из киргизских сказаний, легенды и сказки, загадки закаспийских туркмен, туркменские заговоры, предания и скороговорки. Он же в соавторстве с В. Шнитниковым опубликовал материалы по киргизской музыке [Шнитников 1913]. Ареал исследовательских интересов А.Н. Самойловича в этнографическом плане был широким: Сибирь, Средняя Азия, Северный Кавказ, Крым, Поволжье, Афганистан [Лунин 1965]. В 1908–1909 гг. от него в музей поступили четыре фотоколлажи по туркменам.

На протяжении нескольких лет с МАЭ сотрудничал **Витовд (Витовт) Давидович Пельц**. По профессии он был лесничим. В переписке с музеем В.Д. Пельц предлагал свою помощь «на поприще изучения края и коллекционирования». Он принимал участие в деятельности Туркестанского кружка любителей археологии, отправлялся в командировки от МАЭ и присылал коллекции. Как отмечал видный историк и востоковед Б.В. Лунин, В.Д. Пельц был одним из немногих среди живших на периферии лиц, кто выступал на заседаниях кружка со своими сообщениями о находках памятников древности, состоянии архитектурных сооружений, с проверкой по поручению кружка данных на месте [Лунин 1959: 51].

Авторы ряда парадных портретов бухарских эмиров **А. Ренц** и **Ф. Шрадер** были известными петербургскими фотографами (ЦГАКФФД. Е-8354). Выполненные ими портреты эмиров Бухары свидетельствуют о высоком профессионализме авторов. Снимки этих мастеров были представлены на выставке и удостоены награды. Сохранилась архивная фотография стендов 2-й международной фотографической выставки, которая проходила в Петербурге в апреле 1912 г. Художественные портреты мастерской «А. Ренц и Ф. Шрадер» занимали там отдельный стенд (Там же. Е-11984) [Шипова 2006; Вуори, Шрадер 2005].

На улице Большой Морской в Петербурге рядом с ателье «А. Ренц и Ф. Шрадер» находилась мастерская другого фотографа, также, видимо, известного в те годы, — **В. Ясвоина**. Портреты двух последних эмиров Бухары и их приближенных были выполнены в фотоателье «А. Ренц и Ф. Шрадер» и «В. Ясвоин». Фамилия **А.И. Ясвоина** как известного столичного фотографа встречается среди активных участников заседаний Пятого отдела светописы ИМТО — первого в России фотографического общества (1866 г.). В 1879 г. Абрам Ильич Ясвоин, по всей видимости, родственник В. Ясвоина, был не только известным фотомастером, но и личным фотографом великого князя Николая Николаевича и вели-

кой княгини Александры Петровны и их семьи. В. Ясвоин, переняв мастерство от своего родственника А.И. Ясвоина, продолжил династию придворных фотографов.

В 1946 г. от **Надежды Степановны Воронец**, «персональной пенсионерки», проживавшей в Ленинграде по адресу: Тучков переулок, дом 11, квартира 15, поступила коллекция фотоснимков конца XIX — начала XX в. по Бухаре и Самарканду (колл. И-1179). В материалах, хранящихся в отделе Центральной Азии, было указано, что Эммануил Дмитриевич Воронец был старым революционером и служил в Государственном контроле.

По всей видимости, речь идет о родственниках археолога, изучавшего Среднюю Азию, **Максимилиана Эммануиловича Воронца** (1883—1954 гг.). В 1910 г. он окончил историко-филологическое отделение Харьковского университета. С 1912 г. работал в Историческом музее в Москве младшим хранителем отдела первобытных древностей, совмещающая службу с преподаванием истории в средних учебных заведениях. В это же время М.Э. Воронец выступал с докладами в Московском археологическом обществе и в Обществе любителей естествознания, антропологии и археологии при Московском университете.

В 1916 г. М.Э. Воронец был призван в армию, и после революции 1917 г. на короткое время вернулся на работу в Исторический музей. Но в 1918 г. ушел добровольцем в Красную армию и до 1936 г. «выполнял ответственные задания партии, оставаясь на работе в различных военных и специальных органах» [Бернштам 1956].

С 1937 по 1941 г. М.Э. Воронец работал в Узбекистанском комитете по охране и изучению памятников материальной культуры. Затем короткое время — в Институте языка, литературы и истории Узбекистанского филиала АН СССР. С 1944 г. и до конца жизни М.Э. Воронец являлся сотрудником Музея истории Академии наук Узбекской ССР, где создал историко-археологический отдел. В 1938—1942 гг. М.Э. Воронец сотрудничал со Среднеазиатским государственным университетом, в котором читал курс «Основы археологии». Несмотря на большой перерыв в научной работе, М.Э. Воронец опубликовал множество работ, посвященных истории и археологии Узбекистана, а также защитил кандидатскую диссертацию. В 1950—1952 гг. он возглавлял Узбекистанский отряд Памиро-Ферганской экспедиции Института истории материальной культуры, Института этнографии АН СССР и местных организаций. Вероятно, фотоколлекцию, которая хранится в МАЭ, собирал М.Э. Воронец.

В 1915 г. **Антонина Александровна Воронина-Уткина** (1884—1973), выпускница Строгановского художественного училища, вернувшаяся

из поездки в Каркаралинский уезд Семипалатинской области, передала в МАЭ рисунки и фотографии из жизни казахов.

Антонина Александровна Воронина-Уткина

В июне 1913 г. она вместе со своей сестрой Е.А. Ворониной участвовала в экспедиции известного исследователя Центральной Азии Г.Н. Потанина. В качестве переводчика их сопровождал студент-казак А.А. Ермаков, впоследствии ставший первым казахским профессором математики. Из Омска они отправились в степь, в родной аул А.А. Ермакова, где жила его семья, в урочище Былкылдак у притока реки Токрау. Для гостей установили палатки, одну — для сестер Ворониных, вторую — для Г.Н. Потанина. Именно здесь А.А. Воронина (Уткиной) она стала в 1913 г., выйдя замуж за биолога, профессора Л.А. Уткина) зарисовывала казахские ковры и утварь [Попов 2006]. Акварельные рисунки художницы запечатлели орнамент, которым украшали различные

предметы бытового назначения: убранство юрты, посуду, одежду, музыкальные инструменты, конскую упряжь. Фотографии А. Ворониной-Уткиной показывают некоторые этапы сбора юрты; ей удалось снять отдельные виды женских ремесел. На некоторых снимках представлены одежда и головные уборы, в основном женские.

После экспедиции, по воспоминаниям самой художницы, она поехала в Семипалатинск, а ее сестра с Г.Н. Потаниным отправилась в аул его «друга Валиханова». По возвращении в Томск по предложению Г.Н. Потанина А.А. Воронина-Уткина выступала на заседании Западно-Сибирского отделения РГО 10 февраля 1914 г. с сообщением об особенностях казахского орнамента и демонстрировала свои экспедиционные рисунки. По предложению же Г.Н. Потанина А.А. Воронина-Уткина отправила собранный ею изобразительный материал в Петербург академику Орбели, который принял рисунки с фотографиями и отправил художнице вознаграждение [Попов 2006]. Затем их передали в МАЭ.

Известный в будущем востоковед-иранист **Иван Иванович Зарубин** (1887—1964)⁶ родился в Петербурге в семье врача. В 1907 г. он стал студентом Петербургского университета. С 1910 по 1934 г. И.И. Зарубин работал в МАЭ.

В 1914 г. он отправился в экспедицию на Памир под руководством французского ираниста профессора Р. Готье. Несмотря на непродолжительность поездки, молодому ученому удалось собрать интересные этнографические материалы.

В 1915 г. И.И. Зарубин уезжает на Памир на полтора года. Эта поездка для молодого ученого оказалась очень плодотворной. Этнографические сведения, собранные И.И. Зарубиным в 1915—1916 гг., стали впоследствии надежными источниками для многих его публикаций.

Известный фотограф **Михаил Антонович Крюковский** (1865—1936) в 1905 г. был командирован музеем в сибирские губернии, в том числе в Оренбургскую, с целью этнографического обследования и фотографирования. В результате он пополнил фонды МАЭ фотоколлекцией [Лаврентьева 2008].

Наш обзор показал, что на всем протяжении существования Музея антропологии и этнографии с ним сотрудничали собиратели разных профессий, образования, судеб. Своим трудом они, не всегда целенаправленно, пополняли иллюстративные фонды МАЭ по народам Средней Азии и Казахстана, а последующие поколения музейщиков их хранили, систематизировали и изучали.

⁶ Библиографию об И.И. Зарубине см.: [Рахимов 1989а].